

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОНАСТЫРИ, СКИТЫ, ПУСТЫНИ И ОБИТЕЛИ СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ КАК ЦЕНТРЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ В 1760–1860 ГГ.

М.В. Кочергина

Монастыри на протяжении всей истории христианской России являлись ведущими духовными и культурными центрами. Они «пронизывали все сферы жизни народа: политику, культуру, уклад, экономику», влияя «на формирование культурного ландшафта, на планировочную структуру и объёмно-пространственную композицию городских и сельских поселений» (1).

В советской историографии наиболее изученными являлись вопросы экономической деятельности монастырей, но при этом слабо освещалась их роль как духовного фактора в жизни разных слоёв населения (2). Лишь в последнее время исследователи обратили внимание на роль монастырей в духовной жизни российского общества, придавая большее значение им как «хранилищам русской культуры» (3). Нельзя не согласиться с мнением исследователя О.И. Радченко о том, что «в настоящее время ощущается серьёзная потребность в исследованиях, воссоздающих не только фактическую историю монастырей и их хозяйственно-экономическую деятельность, но и их вклад в духовную жизнь страны и отдельных регионов. Комплексный подход к такого рода проблемам немыслим без обращения к местной монастырской культуре» (4).

В этом вопросе немаловажным аспектом является изучение роли старообрядческих монастырей: Выгорецкой киновии, ветковских, иргизских и стародубских (5). Выявление их памятников архитектуры, живописи, прикладного искусства и книжности позволило бы более отчётливо представить особенности собственно монастырской культуры и её влияние на окружающее население. Не упуская из виду хозяйственной роли старообрядческих монастырей, в частности, их значения для юго-запада России в освоении этой окраинной территории, необходимо показать их деятельность как духовных центров русского старообрядчества, центров русской культуры: книжности, иконописи, прикладного искусства, музыки.

По мнению О.П. Ершовой, организация

церковной жизни старообрядчества является вопросом достаточно сложным и проблематичным. Два крупных течения – поповщина и беспоповщина – продолжали распадаться на толки на протяжении XVIII и XIX вв. «Каждый толк предусматривал свои формы существования, соответствующие их принципам и отношению к религии» (6). Несмотря на гонения, старообрядцы стремились сохранить церковь как залог спасения души в царстве антихриста. По словам В.В. Керова, «в условиях, когда от истинной веры отступилась официальная иерархия России, единственно возможный путь к спасению личному, общественному и всемирному был создан как реализация призыва „огнепального“ Аввакума – „Града грядущего взыскую“. Модели Града ревнителю благочестия строили в форме, схожей с общинами первых времён христианства. За основу социального творчества был принят единственный из реально существовавших в тот период аналогов – монастыри» (7).

В изучаемом районе наиболее последовательно организовывали свою жизнь представители поповщины. Их приверженцы объединялись вокруг монастырей, скитов, пустыней и обителей. Старообрядцы-беспоповцы своими духовными центрами считали лишь скиты, обители и пустыни, которые выполняли главные требования организации их церковной жизни – изолированность и уединённость, что соответствовало положению беспоповцев в российском обществе.

Именно монастыри были тем духовным стержнем, который притягивал в Стародубье и Ветку иночествующих, паломников. Сюда стекались приверженцы старой веры из многих отдалённых окраин России, а также из окрестных слобод и посадов. Жизнь монастырей Стародубья и Ветки, не подчинявшихся духовному начальству, вызывала раздражение у правящих кругов и представителей официальной церкви. Тем более что большинство православных монастырей, находившихся на территории Стародубского, Новозыбковского, Мглинского уездов Черниговской губернии прекратили своё существование после секуляризации 1780-х годов: Стародубский Печеникский женский (1693–

1786), Новозыбковский Каташинский Николаевский мужской (1682–1786), Ключовский Спасский мужской (1634–1786), Мглинский Шумаровский Покровский женский (упразднён в 1786 г.). Из монастырей официальной церкви после секуляризации сохранился лишь Новозыбковский Каменский Свято-Успенский женский (1681–1928) (8). Максаковский монастырь Черниговской епархии был закрыт и обращён в дом сумасшедших в 1786 г. В 1803 г. он был открыт снова как единоверческий. В целом, свыше 40 монастырей было закрыто при введении штатов в Малороссии и Белоруссии. Основание новых монастырей после 1764 г. шло весьма неуспешно. До 1800 г. было открыто около 20 монастырей, а восстановлено прежних только 29 (9).

Это позволяет сделать вывод о том, что в условиях отсутствия монастырей официальной церкви старообрядческие монастыри могли оказывать значительное духовное влияние на окружающее население слобод и посадов, тем более что население было преимущественно старообрядческим. Между тем, особенность старообрядческих монастырей, скитов и обителей Стародубья заключалась в том, что они во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. находились либо на территории слобод и посадов, либо в непосредственной близости от них. Большинство из них нанесены на «Чертеж от руки, не по масштабу, показывающий население слобод с их монастырями, в Черниговской губернии, уездах: Суражском, Новозыбковском, Стародубском и Городницком» (10). Здесь отмечены 6 монастырей, 2 обители, 1 скит, расположенные либо в непосредственной близости от поселений, либо на их территории. В связи с этим, В. Алябьев в рапорте на имя министра внутренних дел Л. Перовского очень точно заметил: «Весьма было бы ошибочно сравнивать раскольников монастыри с православными, они не что иное, как часть посада, обнесённого забором» (11). Это давало старообрядческим монастырям, в отличие от обителей господствующей церкви, широту культурного воздействия, более тесную связь с широкими слоями общества, приток людей, так как монашеская братия пополнялась как за счёт жителей других губерний России, так и за счёт местных обывателей. Престарелые жители местных слобод и посадов доживали свой век в монастырях, скитах, обителях, пустынях. Так, в 1809 г. климовский 2-й гильдии купец Никола Никонов сын Жестерев продал Покровскому Климовскому монастырю мельницу на р. Ирпе в «незабвенную память по плоти родителя моего инока Никодима, в том монастыре остаток сея жизни прожившего и представившегося и почивающего» (12), а мещанин этого же посада Иван Злуницын в 1844 г. построил для своей матери ке-

лю в Казанском девичьем монастыре. Оба монастыря находились на территории посада (13).

Следовательно, насельники монастырей и жители слобод и посадов находились между собой в родственных отношениях. Это ещё больше укрепляло контакты между посадским и слободским населением и духовными центрами (14). К тому же, в период второй выгонки из Ветки (1764 г.) старообрядцы Стародубья предоставляли земли своих слобод и посадов для размещения монастырей, скитов, обителей и пустыней, что подтверждает их большую роль в жизни слободского и посадского населения Стародубья.

Рассмотрим численность монастырей и количество населявших их людей на территории Стародубья и Ветки. Эти количественные данные мы можем почерпнуть как из мемуарных источников, так и из официальных сведений. В 1837 г. единоверческий инок Мелхиседек Якубовский по приказанию епископа Саратовского Иакова составил «Краткую записку о раскольниковых монастырях, вновь возникших сектах и прочих тому подобных» (15). В своих мемуарах он отмечал, что родился в Герцогстве Варшавском, «с начала юных лет находился в краях польских и литовских, поближе к Белороссии, отколь по ревности своей достигал Малороссии, там же маловременно был в тамошних стародубских до 30 и вяще раскольниковых слободах и монастырях» (16). Он даёт точное название и местонахождение старообрядческих монастырей в Стародубье. «В Малороссии, Черниговской губернии, мужские монастыри: Никольский, Красный Борон, он же Дальняя полоса, Клинцовские; Покровский-Митьковский, Никольско-Свяцковский, скиты мужские Воронокский и Лужковский наподобие монастыря. Монастыри женские: Успенско-Клинцовский, Казанско-Климовский. Пустыни: Воронковская, Лужковская, Митьковская, Зыбковская и прочие. Оным подобная почти при каждой слободе есть, и оные, равно и Добрянский женский монастырь, по беглому священству разных согласий. Две беспоповские обители, при слободе Злынка состоящие, из коих одна довольно большая, а другие поменьше оной» (17). О старообрядческих монастырях Ветки он сообщал: «В Белороссии мужские монастыри: Лаврентьев, Пахомов, Новоникольский и прочие скиты мужские и женские, при тамошних раскольниковых слободах состоящие» (18). Итак, в Стародубье он указал 4 мужских монастыря, 2 мужских скита, 3 женских монастыря и 4 пустыни. В Ветке, по его мнению, находилось 3 мужских монастыря; точного же количества скитов как мужских, так и женских он не дал.

Официальные сведения были более точными. По данным Министерства внутренних

дел, к 1840-м годам на территории Стародубья находилось 10 старообрядческих монастырей: Митьковский Покровский (он же Климовский), Климовский Казанский девичий, Норско-беспоповская обитель мужская, Норско-беспоповская обитель женская, скит Епифаньевский, скит Каменка. Все они располагались в Ново-зыбковском уезде Черниговской губернии. В Суражском уезде было 3 монастыря, в посаде Свяцком — 1. Общее количество насельников мужчин составляло 236 человек, женщин — 1020 человек (19). Точный учёт старообрядцев был затруднён из-за того, что на местах земская полиция действовала весьма слабо по отношению к староверам (20).

По данным того же МВД, в Ветке было значительно меньше как монастырей, так и старообрядцев. Здесь находилось 4 мужских монастыря: Лаврентьев, Макарьев, Пахомьев, Никольский (Новоникольский) — и 1 женский. Это объясняется тем, что значительное количество монастырей, скитов было уничтожено в Ветке в период карательных действий правительства в 1764 г. В них насчитывалось 170 человек иноков и бельцов (21). Но эти количественные данные, как и в Стародубье, не отражали в полной мере реального состояния дел. По мнению Варадинова, численность проживающих в монастырях была значительно выше.

Если в Стародубье были монастыри ветковского, дьяконовского, епифаньевского толков старообрядцев-поповцев и беспоповские обители федосеевского толка, то на территории Ветки были монастыри и «женская раскольническая колония» одноимённого толка старообрядцев-поповцев (22). Это приводило к наличию разнообразных форм монастырских поселений на территории Стародубья: здесь находились крупные авторитетные всероссийские духовные центры поповцев и небольшие скиты, обители, пустыни местного значения. Полными сведениями о ветковских скитах мы не располагаем, но позволим себе не согласиться с мнением С.Г. Вургафта и И.А. Ушакова, что слово «скит» на Ветке и Иргизе менее употребительно, чем «монастырь», так как первые скиты, образовавшиеся на Ветке, дали основание для образования в дальнейшем монастырей (23).

По поручению архиепископа Могилёвского и Полоцкого Анастасия архимандрит Могилёвского Богоявленского училищного монастыря, ректор семинарии и благочинный монастырей указал наличие в Ветке 6 монастырей, 2 скитов и хутора, где проживали насельники-старообрядцы. По его сведениям, в Иосафовском монастыре было более 100, в Пыханском — 20, в Тырловском — 40 человек братии. В женском монастыре при Спасовой слободе г. Гомеля более 50, в Ветковском — более 100 человек. Сле-

довательно, по данным церковной власти, число монастырей и их насельников в Ветке было значительно выше, чем по официальным сведениям (24).

Как известно, типологизация монастырских поселений позволяет выявить особенности их социального устройства, социальную значимость как духовных центров и роль в обществе. Рассмотрим старообрядческий монастырь ветковского толка как комплекс богослужебных, жилых и хозяйственных построек и как форму организации старообрядческой общины монахов, живущих по определённому уставу и соблюдающих определённые обеты. Старообрядческими монастырями ветковского толка на территории Стародубья являлись: Покровский Климовский, Новопокровский Свяцковский, Красноборский Предтечиев Клинцовский мужские, Казанский Климовский девичий. К этому же толку относились старообрядческие монастыри Ветки: Лаврентьев, Пахомьев, Макарьев, Никольский (Новоникольский) и Ветковский девичий. Воронокский и Лужковские скиты были «наподобие монастыря» и также относились к ветковскому толку.

Огромная духовная сила влекла людей в эти монастыри, которые являлись нравственной опорой и нравственной «лечебницей». В этом особенно проявилась народная религиозность Древней Руси, которая сохранялась в старообрядчестве. Ветковские и стародубские старообрядческие монастыри отличались именно тем, что в них с самого основания священство существовало непрерывно. Здесь также сохранялись традиции монастырского иночества, которые у старообрядцев в других регионах России были в значительной степени утрачены, так как инокам приходилось жить тайно, небольшими скитами, отдельными кельями, а то и поодиночке (25). Следовательно, стародубские и ветковские монастыри являлись продолжателями древнерусской духовной традиции, что подчёркивало их значение в духовной жизни старообрядцев России.

Так, Покровский Климовский мужской монастырь ветковского толка был расположен на землях, которые отвели старообрядцы строителю и настоятелю Михаилу Калмыку в 1764 г. с разрешения генерала Маслова, проводившего вторую выгонку старообрядцев из Ветки, то есть сама ветковская церковь была переведена в стародубские пределы. «И тако с немалым трудом, превеликим иждивением, сухим путем привезоша церковь они и избравше место в чашах леса Великого, при двою источнику между посадов Климова и Митьковки и поставивша ю тамо и украсивша изрядным благолепием. Прииде же тогда купно с церковию оною и настоятель Ветковского монастыря священноинок Михаил

(Калмык) с другими священники и иноки в лето 7273 (1765) месяца декабря в 19 день, освятиша церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы на древнем антиминоссе. При освящении же ея баше семь священников (четыре ветковских): начальнейший священноинок Михаил, священноинок Петр, иерей Григорий, иерей Иоаким (и три слободских: иерей Алексей Митьковский, иерей Никифор Воронковский и иерей Симеон Климовский) и дьякон Павел. И освящение сие совершашеся торжественно при стечении многочисленного народа из всех посадов стародубских и вскоре устроен монастырь бысть Покровский при церкви той. И начат жить священноинок Михаил с братиею, управляя монастырем и начальствуя над всеми священники, сущими во Стародубии, и во всех иных местех, почитаху бы его и зело благодяху к нему не точию слободские жители, но и светлейшие царствующего града Москвы. По сем же при дозволении правительства, построены быша священные храмы и во иных монастырях и посадах стародубских» (26). Этот отрывок из книги старообрядческого церковного писателя Ксеноса подтверждает, что земли старообрядческих посадов передавались строителю монастыря, что освящение Покровского Климовского монастыря (его церкви) проходило с участием слободского посадского священства при большом стечении местных жителей, что свидетельствует о важной роли старообрядческого монастыря в жизни местного населения. Наличие ветковского священства подчёркивало преемственность традиций в монастырях и храмах ветковского толка, что ещё больше повышало его роль в среде старообрядцев.

В середине XIX в., как отмечал священноинок Тимофей Верховский, «утварью церковной и ризницей монастырь равнялся с богатейшими монастырями». Это же подтверждают и документы, составленные в период поездки чиновника Министерства внутренних дел Василия Алябьева.

Согласно данным, собранным Алябьевым, наиболее крупным и авторитетным старообрядческим монастырём Стародубья являлся Покровский Климовский мужской монастырь старообрядцев-поповцев ветковского толка. Он находился на берегу р. Придолжик, недалеко от озера. Монастырь с трёх сторон окружал лес. «Местоположение монастыря красивое: вокруг ограды монастыря — строевой лес, а с запада около святых ворот большое, красивое озеро с мельницей», — так описывал монастырь А.А. Павловский (27). Монастырь воплощал высший духовно-символический идеал обители как образа «Небесного Града Иерусалима». Вместе с тем, он был сложным хозяйственно-экономическим комплексом. По приказу Алябьева земским ис-

правником А. Сребдольским был составлен подробный документ: «Опись движимому и недвижимому имуществу беглопоповской секты Митьковско-Покровского монастыря в Новозыбковском уезде» (28). Он позволяет показать внешний и внутренний облик этого духовного центра русского старообрядчества. Архитектурный ансамбль монастыря сложился в 1760—1770-е годы. Главным храмом был каменный собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы с «колокольнею в одной связи и в одном престоле» (29). На колокольне было 8 колоколов, общий вес которых составлял 412 пудов. Рядом с ним находилась деревянная церковь во имя Архангела Михаила с трапезной (30). Монастырь имел кельи, гостиницу и различные хозяйственные помещения. Келий насчитывалось 23, среди них были 4 кельи «по две жилые избы с перегородками», 15 келий «об одной комнате» (31). В комплекс хозяйственных построек входили также 3 мучных амбара, конюшня, кузница, мельница на речке Ирпе «о двух мукомольных и об одном скудерном колах, покрытая железом» с каменным спуском и мельница на р. Сейме «о двух мукомольных сваях, крытая дором под гвоздь», три колодца с дубовыми срубами, гумно деревянное, сараи для сена и дров (32). Монастырь окружал сад с 480 фруктовыми деревьями (33). Он символизировал собой «образ Райского сада, снизошедшего на землю». При монастыре находилось кладбище. Все монастырские постройки были обнесены забором из дуба (34). Как и большинство монастырей, находящихся вне городов, Покровский Климовский мужской имел большое количество земли, свыше 200 десятин. Отметим, что иргизские старообрядческие монастыри владели ещё более значительным количеством земли. Они располагали 12534 десятинами, на что было письменное подтверждение императора Павла I 1797 и 1798 гг. (35), но это не умаляет значимости хозяйственно-экономического комплекса Покровского Климовского старообрядческого мужского монастыря, земли которого приобретались личным, коллективным дарением и покупкой.

По «Описи движимому и недвижимому имуществу», в церкви Покрова Пресвятой Богородицы было в алтаре 18 икон серебряных с позолотою окладах, ризы на которых вышиты жемчугом. Кроме них, в алтаре находились «23 деревянных иконы, в числе коих одна большая, а прочие небольшие без всякой отделки». Анализ описи икон, находящихся в церкви, показывает, что здесь находилось 62 иконы, среди них 45 икон было с изображением Богоматери (36).

В декабре 1835 г. сгорела деревянная Николаевская церковь Покровского Климовского мужского монастыря, в связи с этим благочинный единоверческих церквей Максаковского

Троицкого девичьего монастыря иерей Иоанн Верховский предложил священнику климовской единоверческой церкви Артемию Сорокину немедленно об этом донести архиепископу Черниговскому и Нежинскому Владимиру (37). 12 февраля 1836 г. А. Сорокин доносил: «при посаде Митьковском состоящем старообрядческом Покровском монастыре, от посада Климовского отстоящем в 5 верстах, и в истекшем 1835 году с 18 по 19 декабря в ночи церковь деревянная теплая Николаевская сгорела до основания, и по дознанию моему утварь из оной всей вынесена, в братии и обывателях происходят о сем случае великое сожаление» (38).

Итак, анализ «Описи движимого и недвижимого имущества» Покровского Климовского монастыря подтверждает ранее высказанное мнение, что монастырская братия владела значительной собственностью. Вместе с тем, монастыри официальной церкви после секуляризации во второй половине XVIII в. утратили большую часть своего имущества. Так, Брянский Свенский Свято-Успенский монастырь был одним из крупных монастырей в Центральной России. В

Положение Покровского Климовского монастыря было легальным, открытым. Сюда стекались старообрядцы из многих губерний России. К тому же, монастырь по своей сути был организацией всесословной, принимавшей выходцев из всех слоёв общества. У большого числа монахов конца XVIII в. известны только имена, которые приводят дореволюционные исследователи (40). «Именной список проживающих в Митьковском Покровском раскольническом беглопоповской секты монастыре» (41) помогает выяснить не только их имена, но и сословную принадлежность. Так, в 1846 г. в монастыре проживало 53 человека, из них иночествующих 17 человек. Настоятелем монастыря был иеромонах Рафаил. По своей социальной принадлежности они были: купцами 3-й гильдии, мещанами, казаками, государственными и удельными крестьянами (см. таблицу 1).

Здесь проживали выходцы из Московской, Полтавской, Тверской, Курской, Калужской, Смоленской, Владимирской, Орловской, Черниговской губерний, а также из Войска Донского. Тот факт, что среди монашествующих

Таблица 1. Социальная принадлежность иноков и бельцов Покровского Климовского мужского монастыря

государственные крестьяне	удельные крестьяне	мещане	казаки Войска Донского	купцы 3-й гильдии	отставные солдаты	бельцы (сословие неизвестно)
11	1	33	1	1	1	5

XVIII в. здесь находилось 4 каменных храма, колокольня, ряд других строений, окружённых каменной оградой с 6 угловыми башнями. До 1760 г. Свенский монастырь имел и значительное хозяйство: сад, огород, конопляник, скотные дворы, винокуренный завод, около двух десятков мельниц, лесные угодья площадью в 350 квадратных вёрст, свыше 60 тысяч десятин пашни и сенокоса. Монастырю принадлежало более 18 тыс. крестьян, живших в 46 селениях и 5 монастырских вотчинах. У стен монастыря проходила ежегодная всероссийская ярмарка. Но после секуляризации монастырь был отнесён к III классу, получал довольно скудное содержание и начал заметно хиреть. В 1790-е годы в нём проживало около десятка монахов и послушников, нравы которых не были примером для окружающих (39).

Таким образом, монастыри официальной церкви находились в состоянии упадка в конце XVIII–начале XIX вв. в связи с проведением секуляризации, старообрядческие же монастыри Стародубья на юго-западе России сохраняли своё положение крупных хозяйственно-экономических комплексов.

были представители из различных губерний России, подчёркивает роль монастыря как общероссийского духовного центра старообрядцев ветковского толка.

В конце XVIII–первой половине XIX вв. настоятелями монастыря были Матфей, Рафаил, Иоаким. Они отличались мудростью, опытом в управлении монастырским хозяйством. Т. Верховский писал о настоятеле Рафаиле: «Игумен сего монастыря, о. Рафаил, более пятидесяти лет управляющий монастырем, простой инок, лет семидесяти двух, трудолюбивый старец» (42). Он происходил из мещан посада Митьковки (43). Личность настоятеля была очень важна для отношений монастыря в целом с государственной властью. Вместе с тем, официальные свидетельства правительственных чиновников подтверждают зависимое положение настоятеля старообрядческого монастыря от братии (44). Кроме настоятеля, в монастырях были ещё и старцы – помощники и советники настоятеля, избранные им самим. Так, казначеем в монастыре был инок Иракий, в миру удельный крестьянин Московского уезда Московской губернии Игнат Фёдоров, 66 лет, ризничим и

экономом — инок Амвросий, в миру мещанин посада Митьковки Андрей Степанов, 44 лет (45).

Упадок материальной и духовной жизни монастырей официальной церкви в XVIII в. не способствовал сохранению их высокой духовной роли в жизни российского общества. Происходила утрата духовных традиций, которые были характерны ранее для русского монашества. В старообрядческих же монастырях эти духовные связи не прерывались, не прекращал существовать авторитет духовных наставников — старцев, забота о внутреннем воспитании братии возлагалась на них. По мнению исследователя церковной истории митрополита Трифона (Туркестанова), в XVIII в. «в православных монастырях о старчестве позабыли» (46).

Установленный в каждом монастыре порядок жизни, или устав, охватывал всю жизнь обители. К сожалению, мы не располагаем точными сведениями, каким был устав монастыря, регламентирующий всю жизнь старообрядческой общины монахов. За основу был взят устав Иерусалимского общежительного монастыря, ибо «священники отцы уклонялися новшеством от Никона вводимых изволища странствовать, место от места изменяюще, яко да древнецерковного благочестия предания чины ж и уставы святоотеческие соблюдут нерушимо. И Богу помогающе, устроили церковь на Ветке во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и при ней монастырь велик возродиша, в нем же близе множество иночествующих» (47). Ветковские и стародубские старообрядческие монастыри, находившиеся в непосредственной близости от старообрядческих слобод и посадов, должны были приспособлять монастырский устав к приходским нуждам во многих отношениях и, прежде всего, в обрядовой практике.

В Покровском Климовском монастыре, как и в других духовных центрах ветковского толка, было богомоление за царя. Это подтверждает свидетельство И.Г. Кабанова (Ксеноса) о том, что служба в монастыре «как во всех других ветковских церквях совершается по чину устава церковного, по древнепечатным святым книгам, и бескровная жертва в Божественной литургии приношения господу Богу, молитвы же и моления и божественные приношения воздавахуся вышнему о здравии и спасении самодержавных великих государей и царей русских» (48). Своими особенностями обладала и обрядовая практика, в которой монахи Покровского Климовского монастыря прибегали к услугам «белого священства», так как священноиноки (населники монастыря) не могли венчать браки. Поэтому белый, мирской священник, не постриженный в иночество, неотлучно находился в монастырях ветковского толка (49). Это подтверждает факт наличия большого ко-

личества беглых священников официальной церкви в старообрядческих монастырях данного толка (Покровском Климовском мужском, Казанском Климовском девичьем).

В источниках содержатся разночтения по поводу типа монастыря. Если Ксенос указывал, что ветковские монастыри были общежительными, то Варадинов утверждал обратное. В целом, на основании приведённых источников, можно сказать, что способами существования братии были: крупные пожертвования от мира, взносы на помин души, покупка места для погребения усопших. Для всех вступающих вклады были обязательными. Деньги оставались на руках у владельца (50).

На основании анализа социальной принадлежности иноков и бельцов Покровского Климовского мужского монастыря, приведённого нами выше, мы можем утверждать, что в различных сословиях российского общества конца XVIII—первой половины XIX вв. проявлялось неудержимое стремление оставить мир и поселиться в старообрядческом монастыре. Среди тех, кто принимал постриг в Покровском Климовском монастыре, были выдающиеся деятели старообрядчества, такие как Павел Белокрицкий. Ответ на вопрос, кто мог стать иноком старообрядческого монастыря, можно найти в книге Ксеноса «История Ветковской церкви». Для того, чтобы стать иноком, необходимо было пройти нелёгкое испытание. Перед пострижением в монахи послушника испытывали в течение 3 лет, а тех, кого знали — всего 6 месяцев. Испытание успешно проходили те, кто «не пьянчив и любопытен есть и аще со истинною совестью приходит работать Богу» (51). Пострижение совершалось в том случае, если была «потребность в иночестве». При пострижении в монахи особенно ярко проявлялся институт старчества. Постригаемый передавался искусному иноку, чтобы тот научил его всем обычаям иноческого чина и жизни. Этот инок именовался начальным старцем, или евангельским отцом. Он отводил новопостриженного в свою келью или ту, которую определял настоятель. Новопостриженный освобождался от всех дел и 40 дней пребывал в безмолвии, воздержании, бдении и молитве. Он выходил из кельи только для посещения церкви и был обязан молиться, класть поклоны, читать Псалтырь. Если он не знал грамоты, то обязан был молиться и упражняться в чтении Святого Писания. Это позволяет сделать вывод, что неграмотные монахи в монастыре обучались чтению и письму (52).

Особое место в жизни любого монастыря занимала трапеза. В каждом монастыре складывались свои традиции и свой рацион питания. Ксенос, раскрывая Устав Ветковской церкви,

дал подробное описание строгого соблюдения постов и рациона питания монахов, причём существовали как строго определённые, так и произвольные посты, соблюдавшиеся членами монашеской братии.

Вместе с тем, старообрядческие монастыри имели одну важную особенность: с точки зрения государства монашествующие считались светскими людьми и были, как и все другие жители старообрядческих слобод, положены в оклад с 1778 г. Несмотря на то, что устроители Покровского Климовского, Рождественского Малиноостровского монастырей и Троице-Успенской Никодимовской пустыни обращались с прошениями к наместнику Малороссии графу П.А. Румянцеву-Задунайскому о необложении их налогами, в этом им было отказано. Граф Румянцев-Задунайский в ответ на их просьбу писал: «По силе указа Святейшего Синода 1776 года сентября от 24 числа велено их почитать за светских, то по сему и должны они наряду с прочими слобод обывателями и все оклады по общественному расположению платить» (53).

Монастырь располагал обширной библиотекой, состоящей из рукописных и старопечатных книг. В скриптории монастыря в 1840-е годы работал старообрядческий писатель Ксенос. Кроме библиотеки, скриптория, в монастыре находилась иконописная мастерская (54).

В тесной духовной связи с Покровским Климовским мужским монастырём был Казанский девичий монастырь (55). Он был основан в 1775 г. В «Описании женского раскольничьего монастыря состоящего Черниговской губернии Новозыбковского уезда при посаде Климове» имеется следующее подтверждение этим сведениям: «Монастырь сей состоит при посаде Климовой и существует, как старожилые посада Климовой утверждают, более 80 лет» (56). Данное «Описание» было сделано земским исправником А. Сребдольским в 1845 г. (57). Точное местонахождение монастыря указывалось в донесении черниговского гражданского губернатора министру внутренних дел Л. Перовскому: «Казанский монастырь состоит в конце слободы Климовой, и границы его составляют с двух сторон: дорога с одной, идущей в слободу Митьковку, а с другой в Покровский монастырь; с третьей – обывательские жилища слободы Климовой; а с четвёртой, – к полю, – огород монастыря» (58).

Монастырь имел очень своеобразную и сложную планировку. Православный миссионер А. Иоаннов (Журавлёв), посетивший этот монастырь в конце XVIII в., отмечал: «монашеские кельи были поставлены кругом церкви во имя Казанской Божьей Матери в великой тесноте» (59). В 1844 г. чиновник особых поручений Малахов, проводивший расследование «о

вновь построенной келии в Казанском монастыре», уточнил детали, касающиеся особенностей его устройства: «Монастырское строение заключается в следующем. Две моленные, и вокруг оных в несколько линий построены избы с чрезвычайной теснотой и в расстоянии одна от другой от 3 до 6 аршин. Избы соединены между собой забором с калиткою, и каждая изба заключает отдельное жилище. Всех изб или келий – 234, из коих 220 занимают для жительства, а остальные находятся в пустоте. Монастырь этот обнесён вокруг довольно высоким дощатым забором, и для входа имеется 5 ворот и несколько калиток» (60). В 1845 г. В. Алябьев доносил министру внутренних дел Перовскому о том, что «при посаде Климове в Казанском женском монастыре, значительном, избы выстроены в несколько рядов, эти проулки не более сажени в ширину и так перепутаны между собою, что составляют род лабиринта. Все избы принадлежат купцам и мещанам, которые построили их для себя или для своих родителей, по смерти родственников – иные продают те избы желающим купить или из христианского усердия пускают жить бедных вдов с их семействами» (61). Этот пример свидетельствует о внутренней солидарности членов старообрядческих общин и роли монастыря в жизни окрестных жителей.

При монастыре находились две церкви – одна каменная во имя Казанской Божьей Матери, а другая деревянная во имя святого пророка Илии. Она была тёплой и покрыта железом (62). А. Сребдольский, составлявший «Описание движимого и недвижимого имущества» этого монастыря, отмечал, что земли было у монастыря 5 десятин (63). Чиновник особых поручений Малахов, проводивший ревизию монастыря, также свидетельствовал: «Во владении монастыря никаких земель и угодий нет. Имеется огород возле самого монастыря пространством на 2 десятины, которым пользуются в монастыре все проживающие. Земля под монастырём и огородом принадлежит обществу слободы Климовой, и на владения оно монастыря нет никаких актов» (64).

По данным, собранным Сребдольским, в монастыре проживало 489 насельниц (65). По данным Малахова, их было больше – 647 человек (66). Среди них были жительницы не только близлежащих посадов Климов, Клинец, Елионка, Митьковка, г. Новозыбкова, но и выходцы из Орловской, Курской, Смоленской, Черкасской, Елизаветградской, Санкт-Петербургской, Тихвинской, Калужской губерний (67). Согласно переписи Сребдольского, среди насельниц были дворянки, солдаты, купчихи, государственные крестьянки, мещанки, «фабричные девки», «казацкие дочери», вдовы. Это

подтверждает свидетельство А. Иоаннова (Журавлёва) о том, что сразу же после основания монастыря «из разных российских городов старые и младые, из всякого звания жены стали в сей монастырь, так как на вторую Ветку стекаются; и всего удивительнее, что все тут богомольничают; также богатых купцов, именитых граждан, первой и второй гильдии очень довольно там проживают; более всего же из низкого звания, как-то мещанских и крестьянских жен, а во всем монастыре почти до половины наберется казачьих жен» (68). Монастырь, таким образом, выступал общероссийским духовным центром, куда приезжали на богомолье представители различных слоёв обществ разных регионов России.

Монастырь был келиотский. Правительственные чиновники свидетельствовали: «Общей трапезы у себя не имеют, а содержатся отдельно семьями, в каждой избе или келии проживающими». Средства на содержание монастыря «раскольницы получают частично от пожертвований, высылаемых в монастырь из Москвы, Дону, Калуги и других мест, частью именно пособие от родных и частью от занятия рукоделием» (69).

Во главе монастыря находилась настоятельница (игуменья). Она выбиралась «общим всех сестер выбором, с благословением настоятеля Покровского мужского монастыря. По выборе одна начальничающая из сестер вручает новоизбранной костьль; и тако кланяются ей все низко с поздравлениями, и бывает у новоизбранной матери всем сестрам обед, и утешение велие» (70).

Так же, как и в Покровском Климовском монастыре, перед пострижением в инокини предстояло пройти довольно суровые испытания постом и молитвами. При этом большая роль отводилась евангельской матери, то есть в женском монастыре ветковского толка сохранялся институт духовного наставничества. В 1844 г. настоятельницей монастыря была Мария Петрова Епифанова, климовская мещанка, в иночестве Минодора (71). В. Алябьев в рапорте отмечал, что хотя в женских монастырях избираются настоятельницы, но они не имеют никакого влияния в управлении (72). При посещении им этого монастыря из одной избы убежал солдат и скрылся. Настоятельница монастыря, мать Минодора, в ответ на вопрос о нём ответила, что она не имеет власти удалить из монастыря живущих в нём, если она это сделает, то её выгонят обыватели, так как земля под монастырём принадлежит им (73).

Итак, Казанский девичий монастырь располагался на землях посада Климов, собственной земли не имел. Монастырь был женский келиотский. Насельницы монастыря были выходцами из различных регионов России, что го-

ворит не только о местном, но и о российском значении этой обители.

Монастырь обладал богатой церковной утварью. В «Описи церковной утвари, имеющейся в церквях Климовского Казанского раскольничьего беглопоповской секты монастыря» значится, что в алтаре «деревянной» (тёплой) Ильинской церкви находилось 18 икон, из них в серебряном окладе две иконы с изображением Богородицы, одна икона с изображением Спасителя в серебряном вызолоченном окладе, икона, изображающая «Спасителя на холсте в рамке», две иконы с медным крестом и створами, икона с врезанным деревянным крестом (74).

В комплекс иконостаса входило 64 иконы, из которых особо ценными были: «икона Казанской Божией Матери, унизанная жемчугом с камнями; икона Ильи Пророка в серебряном вызолоченном окладе, образ Воскресения в серебряном окладе; образ Благовещения в серебряном окладе; образ Воскресения в серебряном вызолоченном окладе; икона Печерской Божией Матери» и ряд других (75). За левым клиросом в этой же церкви находилась 21 икона, среди которых наиболее ценными были: «большая икона Тихвинской Божией Матери в киоте под красное дерево в серебряном окладе с жемчужным убрусом; икона Казанской Божией Матери в серебряном окладе, унизанная бусом; икона Владимирской Божией Матери в серебряном вызолоченном окладе; икона Покрова Пресвятой Богородицы в серебряном окладе» (76). За правым клиросом находились 53 иконы, многие из которых были «унизаны жемчугом и камнями», а также «20 больших» и «19 малых» церковных книг и другая утварь (77).

В каменной церкви во имя Казанской Божией Матери находилась 81 икона (78), 20 имели ризы, вышитые «жемчугом и камнями», что подтверждает мнение о существовании в монастыре своих мастеров религиозного шитья и вышивки (79).

Как уже отмечалось выше, и Покровский Климовский мужской, и Казанский девичий монастыри принадлежали к ветковскому толку (80). В обрядовой практике монастыря были свои особенности, вместе с тем строго соблюдались древние правила. Службы в Климовском Казанском девичьем монастыре сопровождались колокольным звоном как в XVIII, так и в 30–40-е годы XIX в., хотя это было запрещено законами (81). Богослужение в молельных: заутреня, часы и повечерия – отправлялись крылошанками или уставщицами. В 1844 г. уставщицами были Агафия Никифорова Проскурина, в иночестве Августа, однодворка д. Шмуровой Обоянского уезда Курской губернии, жившая в монастыре около 30 лет, и Анна Коханова, в иночестве Андра, однодворка с. Любоча Обоян-

ского уезда Курской губернии, проживающая в монастыре 40 лет (82). Очень интересное свидетельство о сохранении древних обычаев в Казанском монастыре привёл А. Иоаннов (Журавлёв): «крылошанки, молодые и девицы, грамоте старицы довольные, ходят на крылос по своей воле, понеже от крылосов доходов не имеют. Есть у них уставщица, также две головщицы. Пение ведут по старинным крюкам разным столповым на осмь гласов напевом. Задостойники, причастны, величания, прокимны, стихири, Богородчины и проч. поют демественным распевом на великие праздники весьма степенно и согласно. Есть и троестрочное (пение. — М.К.), наподобие нынешнего четырехгласного; понеже на Ветке никогда не певали. Дважды в год монахи Покровского мужского и Казанского девичьего монастырей правят совместные службы в честь иконы Казанской Божьей Матери, при этом монахи держат правый, а монахини левый крылос, и на сходку ходят вместе с обоих крылосов, и поют воззванные славники, и литию по ветковскому заведению, при множестве народа вместе» (83). Как видно из приведённой цитаты, старообрядцы сохраняли в своих богослужениях исконную традицию пения по крюкам, причём пели демественным распевом. Это объясняет факты наличия большого количества музыкальных рукописей среди рукописных и старопечатных книг, происходящих из этого района.

В обрядовой практике насельницы монастыря также прибегали к услугам беглых попов официальной церкви. Так, в 30-е годы XIX в. требы у старообрядцев ветковского толка в посаде Климов и Казанском девичьем монастыре исполнял беглый поп Ефимий Недосеков, а по его смерти беглый поп Иван Лазаревский. О них единоверческий священник климовской Успенской церкви А. Сорокин 29 июня 1837 г. доносил благочинному монастырей и единоверческих церковей архимандриту Петру: «В посаде Климовой с давнего времени всегдашнее имеет жительство тайно бежавший от своего архипастыря Курской епархии поп Ефимий Недосеков и временно пребывает Покровского монастыря тоже тайно бежавший от своего архипастыря Курской епархии поп Иван по фамилии мне неизвестной — которые суть явные совратители и распространители раскола, ибо мало того, что они обитающих в Климовой раскольников, но даже из разных стран России жителей, стекающих в посад Климову, напутствуют всегда пребывать в раскольническом заблуждении для своей корысти и стязания любоимения, ибо они получают от раскольников за сие обширные доходы» (84). А. Сорокин установил, что Ефимий Недосеков бежал в 1813 г. из Обоянского уезда Курской епархии, посвящён был преосвященным Курским Феоксином, служил в Николаев-

ской церкви селения Ржавы. После побега проживал в посаде Климов Новозыбковского уезда Черниговской губернии «у раскольников при их церкви под ведением церковного старосты Василия Васильева Смирнова» (85). В 1838 г. беглый поп Ефимий Петров Недосеков умер, так как в архивных документах единоверческого священника А. Сорокина сохранилось отношение из Климовской посадской ратуши о приведении к присяге наследниц священника Ефимия Недосекова — его дочерей Пелагеи и Марии, подписанные бургомистром Андреем Злуницыным (86). По смерти же Ефимия Недосекова в Казанском девичьем монастыре стал священником Иван Лазаревский (87).

О возможностях и своеволии насельниц Казанского девичьего монастыря говорит тот факт, что вместо сгоревшей в 1838 г. церкви они «в противность духовных и гражданских законов» сделали новую «огромнейшей сгоревшей и производили в оной богослужение и крайнее поношение православной церкви» (88).

Основными занятиями насельниц было совершение треб в домах у староверов, миссионерские поездки по разным губерниям, сбор пожертвований (89). В монастыре занимались исконно женским промыслом: вышивали ризы из бисера, жемчуга и цветного стекла для особо чтимых икон, что подтверждается фактом широкого распространения икон в бисерных и жемчужных ризах в окрестных слободах и посадах, как в церковных, так и в домовых собраниях (90).

В различных источниках содержатся сведения о свободе нравов, царившей в Казанском девичьем монастыре. Так, неизвестный автор Синаксаря в 1792 г. писал: «Ангелу Климовской церкви напиши: Всем твоя дела и труд твой, еже творити с отроки и юноши, соблазимоши многи монахи и трудницы, еже есть в Климовской Казанской обители. От них же рождаемыя детища повергаются в кладезь и исходяще водные» (91).

Старообрядческие монастыри ветковского толка, находившиеся в разных уездах Черниговской губернии, имели тесные духовные связи. Иноки старообрядческих монастырей вели между собой переписку, полемику; при ликвидации монастырей или их превращении в единоверческие переходили к своим единомышленникам. Так, И.Г. Кабанов (Ксенос) после того, как Покровский Климовский мужской монастырь стал единоверческим, перешёл в Красноборский Предтечиев монастырь, отстоявший от посада Клиницы в 12 верстах (92). Клиницы был одним из наиболее крупных старообрядческих посадов Стародубья (93). По словам Т. Верховского, он «имел преимущество перед другими посадами как в умственном отношении, так и по торговым оборотам» (94). Кроме Краснобор-

Таблица 2. Насельники Клинецовского Красноборского Предтечиева монастыря

№ п/п	насельники	иноки/бельцы	возраст	происхождение
1	Илья Никитин Мартьянов (настоятель монастыря)	инок Иосиф	45	клинцовский мещанин
2	Артём Гапонов	инок Аркадий	90	стародубский мещанин, житель посада Клиницы
3	Никифор Ильин Киселёв	инок Александр	48	екатеринославский мещанин
4	Василий Емельянов Селицкий	инок Варлам	41	рыльский мещанин (Курской губ.)
5	Иван Ефимов	инок Иероним	41	казённый крестьянин Шилловской вол. Рузского уезда Московской губ.
6	Ивлий Иванов Морозов	белец	65	мещанин п. Клиницы
7	Трофим Иванов Ломаков	белец	31	мещанин п. Клиницы
8	Иван Марков Ломаков	белец	68	мещанин п. Клиницы
9	Фёдор Евсеев Богданов	белец	75	мещанин п. Клиницы
10	Степан Дмитриев Лебедев	белец	67	мещанин п. Клиницы
11	Иван Игнатов сын Игнатов	белец	63	мещанин п. Клиницы
12	Сидор Иванов Шмелёв	белец	67	мещанин п. Клиницы
13	Алексей Иванов Багурин	белец	55	мещанин п. Клиницы
14	Фрол Дмитриев Кульской	белец	70	мещанин п. Клиницы
15	Харлам Иванов Кондратов	белец	65	мещанин п. Клиницы
16	Афанасий Антонов сын Козин	белец	42	мещанин г. Новозыбкова
17	Никита Андреев сын Андреев	белец	76	мещанин г. Мглина
18	Евдоким Григорьев сын Машков	белец	71	мещанин п. Клиницы

Таблица 3. Монахи Преображенско-Никольского Клинецовского монастыря, вышедшие из Ветки в конце XVIII в.

№ п/п	монахи	возраст
1	Николай, в беличестве Никита Моисеев сын Поляков	65
2	Иов, в беличестве Иван Фёдоров сын Кузнецов	45
3	Герман, в беличестве Григорий Петров сын Кожин	37
4	Феоктист, в беличестве Федот Борисов	51
5	Филарет, в беличестве Фёдор Степанов сын Любимов	42
6	Ефимий, в беличестве Евсей Степанов сын Фирсов	35
7	Константин, в беличестве Кирил Кондрашов	51
8	Исайя, в беличестве Иван Фёдоров сын Дадонов	52
9	Изосим, в беличестве Захар Петров сын Степанов	47
10	Дорофей, в беличестве Дмитрий Иванов сын Меньшов	26
11	иеромонах Павел, в беличестве Пётр Борисов сын Смычков	64

ского Предтечиева монастыря, в 4 верстах от Клинецов располагался Никольский старообрядческий монастырь (он нанесён на карту, составленную Алябьевым). Красноборский Предтечиев монастырь находился в лесу и был освящён во имя Иоанна Предтечи во второй половине XVIII в. Название монастыря происходит от названия леса — Красный бор. Монастырь располагался в урочище Полоса, отсюда ещё одно название его — Полоса, или «тот, что в Полосе», «Скит Полоса». Он был основан в 60-е годы XVIII в. ветковскими монахами (95). В 1846 г. он имел «молитвенное здание без престола деревянное во имя крестителя Иоанна Предтечи крытое тёмсом, с двумя малыми куполами, один из крестов, который был обит железом, жостью

и вызолочен». На колокольне находилось 4 колокола, из них самый большой весил 6 пудов. Среди жилых строений монастыря преобладали деревянные кельи из сосновых брёвен, крытые дором. Здесь же находились келарня, хлебопекарня, гостиная «на две половины о четырех избах» (96). В комплекс хозяйственных построек монастыря входили «подъездной сарай, приконюшенный амбар, гумно, крытое соломою, рубленное о б стенах и об одном овине» (97).

Как свидетельствует «Описание мужского раскольнического Красноборского Предтечиева монастыря», он был обнесён забором и располагался на земле посада Клиницы. В монастыре проживало 18 человек: 5 иноков и 13 бельцов (см. таблицу 2) (98).

Таблица 4. Насельники Преображенско-Никольского Клинцовского монастыря по ревизии 1811 г.

№ п/п	насельники	социальное происхождение	возраст
1	инок Селивестр, в беличестве Василий Петров Немчинов	ветковский (?)	56
2	инок Герасим, в беличестве Гаврила Семёнов Меньшов	ветковский (?)	41
3	инок Сергей, в беличестве Степан Авраамов (настоятель)	ветковский (?)	40
4	инок Епифаний, в беличестве Елисей Дорофеев Любимов	ветковский (?)	61
5	инок Герасим, в беличестве Григорий Мамаев	ветковский (?)	46
6	инок Марка, в беличестве Мартин Леонов Немостов	ветковский (?)	51
7	Иероним, в беличестве Иеремия Иванов Ильин	ветковский (?)	66
8	Никон, в беличестве Михайла Иванов Дьячков	ветковский (?)	76
9	Ипатий, в беличестве Иеремий Евстигнеев	ветковский (?)	34
10	Вонифатий, в беличестве Василий Лукин Суладков	ветковский (?)	37
11	Ипполит, в беличестве Иван Ермолаев Михачев	ветковский (?)	нет сведений
12	Иоаникий, в беличестве Иван Степанов	ветковский (?)	нет сведений
13	Ипполит, в беличестве Иван Филимонов Заступников	клинцовский мещанин	39
14	Антоний, в беличестве Артемий Осипов Балкин	клинцовский мещанин	нет сведений
15	Павел, в беличестве Пётр Корнилов Фёдоров	клинцовский мещанин	69
16	Иосиф, в беличестве Иван Васильев Красильников	клинцовский мещанин	64
17	Сысой, в беличестве Савелий Иванов Кондратов	клинцовский мещанин	30
18	Селивестр, в беличестве Семён Андреев	клинцовский мещанин	70
19	Израил, в беличестве Илья Григорьев	клинцовский мещанин	70
20	Игнатий, в беличестве Иван Фёдоров	клинцовский мещанин	нет сведений

Монастырь не был присоединён к единоверию в 1840-е годы и просуществовал до начала 1930-х годов как старообрядческий. Разрушение монастыря повлекло за собой разрушение уникальной библиотеки, собрания «икон и древностей» (99).

Преображенско-Никольский, он же Николо-Пустынский старообрядческий мужской монастырь располагался на землях посада Клинцы, в 2 верстах от него, возле леса (100). Монастырь основан, как считал М.И. Лилеев, около 1735 г. Однако согласно ревизской сказке 1781 г., датой основания считается 1765 г. Именно в эти годы здесь появляется строитель пустыни Никита Моисеев Поляков. Первоначально большую часть насельников монастыря составляли выходцы из Ветки, основавшие монастырь. С.Г. Вургафт и И.А. Ушаков высказывают мнение, что в это время насельников монастыря было 500 человек, причём иноков — 140 (101). Однако по ревизским сказкам 1781, 1811 гг. указано количество насельников во много раз меньше (102). Так, в 1781 г. в монастыре проживало 2 монаха, записанные ещё в ревизию 1765 г.: Прохор Терентьев, в монашестве Павел, 67 лет и Иван Павлов сын Оглоблин, 44 лет. Оба были пострижены в монашество иеромонахом Иеронимом. Никита Моисеев сын Поляков, строитель и будущий настоятель, записан среди монахов-выходцев из Ветки: «Вы-

шедшие из Польши через указанные форпосты по силе всемилостивейших Ее императорского Величества Манифестов, состоявшихся 1779-го мая 5 и 1780 годов апреля 27 числа подушные с данными паспортами на жительство в указанную слободу монахи» (103) (см. таблицу 3).

Итак, согласно архивным документам, в 1781 г. в монастыре проживало 13 монахов, 2 из которых были записаны ещё в ревизию 1765 г., остальные 11 пришли в монастырь из сл. Ветки после манифестов 1779 и 1780 гг. Настоятелем монастыря был инок Николай, в беличестве Никита Моисеев сын Поляков (104).

Наряду с монахами, выходцами из слободы Ветки, насельниками монастыря становятся клинцовские мещане, принимающие иночество. Так, в ревизской сказке посада Клинцы 1811 г. мы находим подтверждение сказанному: в монастыре проживало 20 монахов (105) (см. таблицу 4).

В 1779—1810 гг. из них умерло 21 чел., перешёл в Черниговский первоклассный монастырь 1 чел., перечислился в жиздринские мещане 1 чел. Умершего настоятеля инока Николая сменил инок Сергей, в беличестве Степан Авраамов, ветковский монах (106). Основатель и строитель пустыни Никита Моисеев сын Поляков (инок Николай) прожил довольно долгую жизнь. Согласно ревизским сказкам, годы его жизни 1716—1809. Ряд исследователей ука-

Таблица 5. Старообрядческие монастыри Стародубья во второй половине XVIII–первой половине XIX вв.

время существования; название	местонахождение	толк, тип, настоятели	количество земли	насельники	
				иноки	бельцы
Покровский Климовский мужской монастырь (1765–1848)	между посадами Климов и Митьковка	ветковский толк; не-общезительный; Матфей, Рафаил, Иоаким	212 дес.	17	36
Казанский Климовский девичий (Новодевичий) монастырь (1775–1850)	на территории посада Климов, на землях посада	ветковский толк, в духовном подчинении Покровского Климовского мужского монастыря; не-общезительный; Минодора	земельных владений, кроме огорода, не имел (2 дес.; 5 дес.)	всех: 647	
Красноборский во имя Иоанна Предтечи мужской монастырь («Дальняя Полоса») (1764–1930-е годы)	на землях посада Клинцы, в 12 верстах от посада в урочище Полоса	ветковский толк; тип – нет сведений; инок Иосиф	удобной земли 152 дес. 1216 саж.; неудобной 1 дес. 1692 саж.	5	18
Преображенско-Никольский, он же Никольский (Пустынский) мужской монастырь (1765–1930-е годы)	в 2 верстах от посада Клинцы, на землях посада	е п и ф а н ь е в с к и й толк, тип – нет сведений; Николай, Сергей	удобной земли 12 дес. 600 саж.; неудобной 1096 саж.	31	-
Свяцковский Покровский (Новопокровский) мужской монастырь (ранее 1795–1850)	на землях посада Свяцк, земли подарены жителями посада	ветковский толк; Иринарх, Фаддей, Зосим	имеются документы о наличии земельных владений, но нет плана; общее количество земель неизвестно	18	20
Малиноостровский Рождество-Богородицкий мужской монастырь (1767–1842)	в 17 верстах от посада Злынка, в урочище Малинов Остров	дьяконовский толк; общезительный; Александр, Фома	89 дес.	80 монахов и бельцов	
Троице-Успенская Никодимова обитель, или мужской монастырь во имя св. Живоначальной Троицы и Успения Пресвятой Богородицы (1773/75–1803)	в 6 верстах от посада Злынка	дьяконовский толк; тип – нет сведений; инок Никодим Стародубский	нет сведений	40 монахов и бельцов	

зывает даты его жизни на основании эпитафии на надгробии 1700–1809, что противоречит архивным документам (107). В 1846 г., по данным переписи монахов-насельников, в монастыре был 31 человек, из них 17 бельцов. Т. Верховский указывал количество насельников около 50 (108). Монахи относили себя к приверженцам епифаньевского согласия (толка) (109).

При выходе ветковских монахов-основателей монастыря, ими была перевезена деревянная церковь во имя Преображения Господня из местечка Гомель (110). Позже была построена

церковь св. Николы Чудотворца на каменном фундаменте и обшита тёсом. Купол и верх храма были покрыты железом. В монастырский комплекс входили также братские кельи, построенные из соснового леса (111).

Пожаром, произошедшим ранее 1846 г., монастырю был нанесён значительный ущерб: от церкви Преображения Господня остались одни стены. Вместе с ней сгорела колокольня. Т. Верховский свидетельствовал: «Не было уже той красивой пятиглавой церкви с хорошенькой колокольней, кельи стояли полуоткрытые и грози-

ли близким упадком» (112). В это же время произошло хищение из монастыря значительного количества церковной утвари и икон (113). Монастырь не был обращён в единоверческий и просуществовал до 1937 г. (114).

Итак, старообрядческие монастыри, находившиеся близ посада Клинцы, основаны ветковскими монахами в 1760-е годы, то есть они возникли одновременно с Покровским Климовским мужским и Казанским девичьим монастырями. В конце XVIII—первой половине XIX вв. эти монастыри играли роль духовных центров местного значения. В иноки постригались как выходцы из Ветки, так и жители посада Клинцы — мещане. Монастыри не прекратили своего существования до начала 30-х годов XX в. После обращения Покровского Климовского монастыря в единоверческий, Преображенско-Никольский монастырь играл довольно заметную роль в духовной жизни поповцев, став центром окружников в России.

Кроме описанных выше монастырей, на территории Стародубья находились Свяцковский Покровский (Новопокровский) мужской монастырь ветковского толка, Малиноостровский мужской монастырь дьяконовского толка, мужской монастырь во имя Живоначальной Троицы и Успения Пресвятой Богородицы дьяконовского толка, то есть представители поповщины имели здесь 7 мужских монастырей и 1 женский. Во главе этих монастырей стояли видные представители старообрядчества, такие как инок Никодим Стародубский. Это позволяет сделать вывод о большой роли старообрядческих монастырей Стародубья в духовной жизни старообрядцев-поповцев России (115).

В 1832 г. состоялся Рогожский Собор, в котором участвовали видные послы из главных центров старообрядчества — Стародубья, Ветки, Иргиза, Керженца, Вольска, Казани и всего Поволжья, Тулы, Дона, Урала, Кавказа и т.д. (116). От Ветки на Соборе присутствовали игумен Лаврентьева монастыря Симеон, от Стародубья старец и игумен Покровского Климовского монастыря Рафаил, старец Ипполит, старец и игумен Никольского монастыря Сергей, которого очень уважали старообрядцы. Собор принял решение об учреждении за границей архиерейской кафедры и о сохранении в старообрядческой церкви трёхчинной иерархии. Надежды на успешное утверждение за пределами России епископской кафедры объединили всех старообрядцев. При оскудении Святых Даров на Рогожском кладбище в Москве запасные Дары выписывались из Иргизского Верхнепреображенского монастыря от игумена Силуяна, из стародубских монастырей от игумена Сергия (Никольского монастыря) и игумена Рафаила (Покровского Климовского монастыря) (117), что под-

тверждало значимость стародубских монастырей в старообрядческом мире. Часто посланцами старообрядческих монастырей были благословенные старцы и черноризцы, давшие иноческие обеты и добровольно надевшие на себя иноческие одежды без пострижения. Благословенные старцы обыкновенно съезжались в Москву к Великому Посту со всех концов России. Эти чернецы и старцы проживали при домовых молельных богатых старообрядцев, в течение поста говели и причащались, помогали священникам при исполнении треб, а затем, отпраздновав Пасху, пускались в странствие, чтобы поддерживать и вдохновлять колеблющихся и унывающих под тяжестью гонений и «оскудения иерейства» (118). Эти благословенные старцы увозили с собой из Москвы запасные дары, богоявленскую воду, которыми причащали, а также принимали «исповедания согрешений», для чего существовал упрощённый чин скитского покаяния. Они крестили («погружали»), после чего необходимо было «довершать крещение» и исповедоваться у священника. Сведения о старообрядческих монастырях Стародубья представлены в таблице 5.

Итак, на территории Стародубья во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. находилось 8 монастырей поповцев ветковского, епифаньевского, дьяконовского толков, имевших значительные земельные владения, движимое и недвижимое имущество. В иноки старообрядческих монастырей постригались жители не только окрестных старообрядческих поселений, но и выходцы из различных губерний России. Положение монастырей было легальным, открытым. Настоятели Покровского Климовского и Никольского монастыря принимали участие в съезде представителей старообрядчества по вопросу восстановления трёхчинной иерархии древлеправославной церкви. Старообрядческие монастыри Стародубья были центрами духовного наставничества, старчества, духовной культуры. Они поддерживали тесные контакты с населением старообрядческих слобод и посадов, были как местными, так и общероссийскими духовными центрами, имевшими значительные собрания икон, книг, различной церковной утвари.

Не менее значимыми были и старообрядческие духовные центры Ветки. Особым почтением у старообрядцев пользовался ветковский Лаврентьев монастырь — «знаменитая и славная лавра», — как называл его в своих мемуарах старообрядческий епископ Сильвестр Балтский (119).

Лаврентьев мужской старообрядческий монастырь был основан иноком Лаврентием и находился на полуострове, образуемом р. Узой, среди болот и чащи леса. Даже лес, окружавший его, считался священным (120). Основан

он был не ранее 1735 г. И.Г. Кабанов (Ксенос) писал: «Предание таково есть: в числе оных и основатель Лаврентьева монастыря при реке Узе, в чащах леса, по малу времени обитати начат и труды и поты его первее скит, потом же монастырь израден возрасте» (121). Он относился к ветковскому толку, последним настоятелем его был инок Аркадий (122). Даже чиновники Министерства внутренних дел признавали значимость этого монастыря в старообрядческой среде: «Древность монастыря, выстроенного сто лет назад, разные его предания и строгая жизнь дряхлых иноков возбуждали в народе благоговение: из него распространялись превратные толкования о единоверии и останавливали желавших присоединиться к нему; из него приходили скрывавшиеся там беглые попы для исполнения треб по окрестным селениям; из него получали простолюдины и все раскольничьи монастыри запасные дары святых тайн» (123).

Действительно, старообрядцы относились к нему с благоговением. Герой книги П.И. Мельникова (А. Печерского) Яков Стуколов так повествует о жизни в Лаврентьеве монастыре: «Слышал прежде про монастырь Лаврентьев, что стоит неподалёку от славной слободы Ветки. Житие там строгое. Не каменными стенами, не богатыми церквями красовалась обитель та, — красовалась она старческими слезами, деннонощными трудами, постом да молитвой!..» Удаление от мира, строгий пост, «удручение плоти», чтение Святого Писания, духовное наставление приверженцев старой веры приводило в монастырь многих, искавших древлего благочестия. Монашеское отречение от мира ничего не имело общего для старообрядческих иноков с отрицанием бытия. Уходя из мира, они осуществляли миссию спасения тех, кто находился «в миру». Среди ветковских иноков выдающуюся роль играл настоятель Лаврентьева монастыря инок Аркадий. Под его духовным руководством монастырь стал центром иночества и старчества. Аркадий происходил из мещан посада Клиницы Черниговской губернии и был в миру Андреем Родионовичем Шапошниковым (1809—1889). В 1826 г. он поступил послушником в Лаврентьев монастырь, где принял постриг с именем Аркадия (этот факт подтверждает ранее высказанное мнение о высоком духовном авторитете ветковского монастыря среди стародубских жителей). В 1832 г. он стал настоятелем обители и сумел привлечь в монастырь многих талантливых людей, в будущем видных деятелей старообрядчества. Под его игуменством находились иноки Павел Белокриницкий, Аркадий (Дорофеев), Ефросин, Алимпий (Алимпий Зверев), Ксенос (124). Духовным наставником Ксеноса был инок Аркадий (Дорофеев) — исповедник, также приняв-

ший иноческий постриг в Лаврентьеве монастыре (125).

Инок Павел Белокриницкий (1808—1854) впоследствии принимал активное участие в восстановлении трёхчинной иерархии древлеправославной церкви. Хотя он и принял постриг в Покровском Климовском монастыре в 1836 г., «жизнь его в Лаврентьеве монастыре состояла из усердного посещения богослужений, келейных молитв, продолжительных духовных бесед и чтения» (126). В одном из старообрядческих источников (127) нами были обнаружены сведения о нём. Инок Павел (в миру Пётр Васильевич Великодворский) родился в слободе Зимогорский Ям, пригороде Валдая, в старообрядческой семье. В 12 лет пытался уйти из дома в старообрядческие монастыри, но был удержан родителями. После смерти отца, в двадцатипятилетнем возрасте, он уходит в Лаврентьев монастырь на Ветку. Здесь он сближается с настоятелем монастыря иноком Аркадием, иноком Ефросином. В 1837 г. он вместе с иноком Геронтием совершил поездку на Кавказ для проверки сведений о сохранении в древлеправославной церкви трёхчинной иерархии, но в Тифлисе иноки были задержаны как «праздношатающиеся» и посланы по месту приписки под надзор полиции. В конце 1830-х годов инок Геронтий становится настоятелем Белокриницкого старообрядческого общежительного монастыря. Он пишет устав этого монастыря, где излагает вероучение древлеправославной церкви, раскрывает источники дохода монахов.

На общих тайных Соборах представителей поповцев было решено послать на поиски епископа на восток «особо доверенных делегатов». Выбор пал на благочестивых иноков Павла и Алимпия. В 1844 г. инок Павел получил от императора Австрии Фердинанда разрешение на устройство епископской кафедры в Белокриницком монастыре. 28 октября 1846 г. в этом монастыре было торжественно совершено присоединение Боснийского митрополита Амвросия к старообрядческой церкви через таинство миропомазания. После присоединения инок Павел исполнял обязанности секретаря и письмоводителя Амвросия. Затем, после отправки митрополита Амвросия в ссылку, он вместе с иноком Алимпием навещал митрополита в ссылке. Умер в 1854 г. и был похоронен в Белой Кринице (128).

Итак, Лаврентьев монастырь был центром иночества. Здесь жили и проповедовали старцы, так как монашество немислимо без старчества. «Старчество современно монашеству и является первобытной формой Института духовничества отца» (129).

Что касается устава монастыря, точных сведений мы не имеем, но позволим себе вы-

сказать мнение о том, что монастырь был мужской необщежительный. Это подтверждал Н. Варадинов: «В монастыре проживали иноки, каждый своим хозяйством, сохраняя при себе довольно значительные капиталы, которые поступали в монастырскую казну после их смерти. Избранный ими настоятель обязывался кормить их, одевать, оплачивать подати и ходатайствовать у местного начальства за их проступки.

Согласно дореволюционным исследованиям, здесь находилась богатейшая ризница и библиотека. «Среди пожертвований, поступавших в монастырь, — богослужебные книги, рукописи, ризы и иконы, нередко богато украшенные, — из Москвы, Калуги, Дона». В монастыре находилась иконописная мастерская довольно высокого уровня. «Все иконы до одной в иконостасе были в серебро-вызолоченных ризах» (133).

Покровский Климовский мужской монастырь. Фото 2005 г.

Средства в монастырь поступали за счёт приношения „усердствующих“ и рассылки иноков для сбора подаяний» (130). По словам Алябьева, «Лаврентьев монастырь сделался собором раскольников. Его монахи-мещане — это бывшие купцы. Они принесли с собой значительные капиталы, остающиеся на руках до смерти, а потом поступающие в собственность монастыря. Все они занимаются хозяйством и свойственному каждому ремеслу... Столь обеспеченное положение иноков доставляет жителям монастыря жизнь спокойную, независимую, с неограниченной волею каждого делать всё, что захочет, не давая никому ответа в своих действиях» (131). В начале 40-х годов XIX в. в перечень монастырских построек входили церкви с 6 куполами, колокольня, ризница, трапезная, пекарня, 2 амбара, другие хозяйственные постройки и 14 домиков с 52 кельями для монахов. Почти при каждом жилом доме располагались небольшие огороды с фруктовыми деревьями (132).

Располагая прекрасной библиотекой, опытом мудрых старцев, иконописной мастерской, монастырь являлся хранителем уникального наследия древнерусской культуры, большим духовным центром старообрядцев ветковского толка. К инокам монастыря шли за советом, духовным наставлением. Он оказывал большое влияние на окружающее население. В иноки постригались не только местные жители близлежащих старообрядческих слобод, но и жители других губерний России. Иноки монастыря сыграли большую роль в воссоздании трёхчинной иерархии древлеправославной церкви в первой половине XIX в.

Пахомьев монастырь находился в Белицком уезде в имении князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского. Основателем монастыря считался выходец из великороссийских земель инок Пахомий (134). Время основания монастыря — 1770 г. (письменных источников, подтверждающих эту дату, не имеется). «Если ве-

Таблица 6. Социальная принадлежность насельников Пахомьева монастыря

№ п/п	насельники	социальное происхождение	возраст
1	Фёдор Семёнов Панфиленок, в иноках Феодосий	крестьянин графа Паскевича	70
2	Илья Онуфриев, в иноках Исакий	крестьянин слободы Марьиной	63
3	Платон Герасимов Прежин, в иноках Пахомий	крестьянин графа Паскевича	70
4	Матвей Фёдоров Хомусев, в иноках Мелхиседек	крестьянин графа Паскевича	44
5	Андрей Тимофеев Гарбузов	крестьянин графа Паскевича	35
6	Степан Герасимов Орлов	крестьянин графа Паскевича	53
7	Захарий Изотов Зеленкин	крестьянин графа Паскевича	27
8	Яков Яковлев Шедый	крестьянин графа Паскевича	67
9	Тимофей Иванов Мурашкин	крестьянин графа Паскевича	56
10	Иван Лаврентьев Прежин	крестьянин графа Паскевича	71
11	Михаиле Яким Рыженок	крестьянин графа Паскевича	56
12	Иван Антипов Усиков, в иноках Иосиф	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	47
13	Иван Тимонов Кожевников, в иноках Измарагд	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	41
14	Евсей Иванов Кожевников, в иноках Ефром (?) Ефрем (?)	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	63
15	Архип Васильев Гусаков, в иноках Зосим	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	75
16	Андрей Герасимов Алейников	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	62
17	Михаил Максимов Магришкин	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	63
18	Григорий Назаров Короткий, в иноках Гурий	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	64
19	Иван Ефремов Седярев	крестьянин графа Паскевича слободы Дубовый Лог	55
20	Игнат Петров Котосов, в иноках Акинф	мещанин г. Белицы	64
21	Никита Иванов Богомоллов, в иноках Никола	мещанин г. Белицы	55
22	Михаила Иванов Священников, в иноках Моисей	мещанин г. Белицы	75
23	Фёдор Андреев Кузнецов	мещанин г. Белицы	60
24	Фёдор Климов Седярев, в иноках Иоанн	мещанин г. Нового Места Черниговской губернии	67
25	Иван Андреев Дунаевский, в иноках Илья	мещанин г. Ржева Тверской губ.	66
26	Патрикий Афанасьев, в иноках Пафнутий	свободный хлебопашец Дубров- ской вол. Богородского уезда Московской губ.	47
27	Гаврила Владимиров, в иноках Герасим	мещанин с. Забилочья Киев- ской губ.	56
28	Прохор Кондратьев Зиновьев, в иноках Пахо- мий (судим)	мещанин г. Радомысля Киев- ской губ.	

рить преданию, он основал более 100 лет тому назад», — доносил исправляющий должность могилёвского гражданского губернатора министру внутренних дел в 1845 г. «Проживающие в этом монастыре раскольники... способы к существованию имеют в обработке земли, данной монастырю ещё фельдмаршалом Румянцевым, которая и настоящим владельцем графом Паскевичем Эриванским от него не отличается, а равно в исправлении подаяния от раскольников-крестьян Его светлости из окрестных слобод». «Во владении этого монастыря земель и других угодий нет, кроме помянутой, обрабатываемой монастырём земли, данной фельдмаршалом Румянцевым, на которую документов никаких нет» (135).

Как видно из приведённых источников, монастырь возник после первой выгонки из Ветки (1735 г.). В отличие от большинства стародубских монастырей, он располагался на землях не посада или слободы, а на помещичьей земле. Насельники монастыря жили за счёт подаяний старообрядцев-крестьян соседних слобод. Монастырское строение состояло из 2 церквей, зимней и летней, трапезной, 2 амбаров, погреба и 30 келий и напоминало стародубские монастыри. Всю территорию окружал фруктовый сад. Въездные ворота открывались калиткой (136).

Церкви монастыря обладали богатой церковной утварью. Одна из них была деревянной

Таблица 7. Насельники Никольского (Ветковского) монастыря (1845 г.)

№ п/п	насельники	социальное происхождение	возраст
1	Иван Терентьев, в иноках Игнатий	крестьянин княгини Любомирской	66
2	Исай Перфильев	крестьянин княгини Любомирской	75
3	Лукьян Феклистов	крестьянин княгини Любомирской	66
4	Степан Константинов, в иноках Селуян	крестьянин княгини Любомирской	57
5	Дмитрий Миронов, в иноках Авраамий	мещанин г. Белицы	61
6	Семён Семёнов Волков, в иноках Игнатий	мещанин г. Белицы	53
7	Никифор Вавилов	мещанин г. Белицы	73
8	Поликарп Кузьмин Скачков, в иноках Исакий	мещанин г. Нового Места	66
9	Козьма Иванов Кузнецов, в иноках Тимон	мещанин г. Нового Места	50
10	Евстафий Максимов Киселёв, в иноках Дионисий	мещанин г. Нового Места	47
11	Семён Семёнов Чепцов, в иноках Феодосий	мещанин г. Нового Места	78
12	Осип Иванов Колодъев	мещанин г. Нового Места	66
13	Антон Кузьмин Новиков, в иноках Арсений	мещанин посада Климов Новозыбковского уезда Черниговской губ.	66
14	Карп Владимиров, в иноках Кирилл	мещанин г. Авручева Волынской губ.	56
15	Иоана Фёдоров Мостников, в иноках Иона	мещанин г. Радомысля Киевской губ.	25
16	Иван Трифонов, в иноках Иона	казённый крестьянин Демьянского уезда Новгородской губ.	60

тёплой во имя Бориса и Глеба. Она была запечатана по распоряжению правительства ранее 1844 г. Церковь во имя Преображения Господня (холодная) находилась в одной связи с колокольней. Согласно «Описи строению и всему церковному имуществу, найденному в упраздненных Пахомьеве и Никольском раскольнических монастырях», в ней находилось: «икон простых без окладов в разных изображениях 117; икон в разных окладах и венцах 26; при этом в алтаре было 39 икон, из них 7 унизаны жемчугом; икон простых, резных изображений, 27; 23 предмета различной религиозной утвари, 2 хоругви, других предметов 26» (137). Святынями монастыря были «замечательная по древности икона Спаса Нерукотворного греческого писания, а также 45 книг, печатанные в разных годах со времени московских патриархов Иосафа, Иосифа, Гермогена» (138). Общая сумма собственности Пахомьева монастыря составляла 243 609 руб. 55 коп. (139).

Нам удалось найти список насельников монастыря (140), позволяющий охарактеризовать их социальную принадлежность (см. таблицу 6).

Анализ «Списка раскольников, проживающих в Пахомьевом монастыре» (1845 г.) позволяет отметить, что здесь проживали как крестьяне близлежащих сёл графа Паскевича, так и мещане Тверской, Волынской, Киевской,

Черниговской губерний. Среди них был и вольный хлебопашец из Московской губернии (141). Здесь некоторое время подвизались инок Павел Белокриницкий и инок Геронтий (в миру Герасим Исаевич Колпаков (1803–1868), впоследствии архимандрит, настоятель Белокриницкого монастыря) (142).

Настоятелем монастыря был инок Акинф. Казначеем – инок Ефрем (Ефром). Они направляли иноков монастыря за сбором подаваний в разные губернии России (143). По данным Министерства внутренних дел, собранные таким образом деньги и вещи настоятель монастыря расходовал безотчётно. Посылавшиеся для сбора подаваний иноки отдавали полученное ими без отчёта (144). Н. Варадинов писал: «Иноки в старообрядческих монастырях имели обеспеченное положение при собственном состоянии, вели спокойную, независимую жизнь, с неограниченною свободою каждого... Не подчинённые никакому управлению, иноки внушали в массе народа тут же свободу, которою сами пользовались, соблазняли независимостью своей жизни православных и возбуждали неудовольствие помещиков даже римско-католического исповедания, от которых часто убегали крестьяне с уворованными деньгами и вещами и находили в монастыре безопасный приют» (145). Возможно, это независимое положение и свобода, ко-

торой пользовались старообрядческие иноки в монастырях, была одной из главных причин упорного неприятия единоверия. То, что старообрядческие скиты, монастыри привлекали к себе большое количество крестьян, подтверждают многие исследователи истории раскола. Так, М.И. Лилеев писал: «Одною из главных причин этого явления было то, что в старообрядческих скитах и молельнях необыкновенно строго соблюдалось внешнее церковно-обрядовое благочиние. Выдавая себя за старую веру, за древлецерковное благочестие, твёрдо стоя за старые обряды и уставы, раскол всегда и во всём старался выдвинуть старинные формы обрядности и тем убедить православных, что они действительно подлинная старая вера, подлинное содержание старообрядчества» (146).

Ещё один старообрядческий Никольский мужской монастырь находился также в Белицком уезде в имении княгини Любомирской (147). Время основания монастыря — около 1740 г. «По неимению при нём на то письменных доказательств, точную дату основания монастыря определить невозможно... По преданию, основан более ста лет тому назад», — доносил исправляющий должность могилёвского гражданского губернатора в 1845 г. (148). Монастырь был мужской необщежительный. Все старообрядцы, проживавшие в монастыре, имели «письменные виды на жительство, способ к существованию их состоял из подаваний раскольников близлежащих окрестных слобод». Земель и других угодий монастырь не имел. Само же монастырское строение заключалось в 1 церкви, 1 трапезной и 23 кельях, из которых некоторые были весьма ветхи (149). В моленной келье находилась «икона Пресвятой Богородицы, замечательная по древности своей», а также «церковные книги, печатанные со времён Московских патриархов Иосафа, Иосифа, Филарета. В алтаре церкви находилось 50 книг, 85 икон, 85 других церковных предметов, в трапезной 23 иконы; других церковных предметов — 6» (150). К сожалению, мы не располагаем сведениями о монастырском архиве. В 1845 г. здесь проживало 16 иноков из бельцов, выходцев из близлежащих старообрядческих слобод: Тарасовки, Леонтьевой (Могилёвской губернии); Черниговской губернии: заштатного города Нового Места, посада Климов, а также Волынской, Киевской, Новгородской губерний России. Это подтверждает «Список раскольников, проживающих в Никольском монастыре» (151) (см. таблицу 7).

В местечке Ветка имелось своеобразное поселение, так называемая «раскольничья колония». По-видимому, это был женский старообрядческий монастырь. Она находилась недалеко от сгоревшей старообрядческой часовни и представляла собой 12 просторных крестьян-

ских изб, построенных в один ряд. Дома принадлежали как Ветковской владельческой экономике (7 изб), так и частным лицам (5 изб): купцам-старообрядцам Ветки Тепляковым, Вдовину, свяцковскому мещанину Лаврентию Рязову, рогачёвской мещанке вдове Екатерине Тихановой (152). В «колонии» проживали 11 старообрядок: 1 крестьянка и 10 мещанок. Они были выходцами из Московской, Могилёвской, Черниговской губерний (153). Этим старообрядкам называли келейными, «начётчицами», «канунницами». «Келейные избы» имелись в большинстве старообрядческих поселений как в Стародубье, так и в Ветке. «Их кельи — небольшие избёнки, устроенные обыкновенно или позади родственных домов или несколько на стороне того или иного раскольничьего поселения» (154). Келейницы, по словам М.И. Лилеева, поражали своей учёностью беглых попов, являвшихся к ним. «Самые начитанные из них, побывавшие в скитах и изучившие там раскольничью премудрость, пользовались громадным авторитетом в старообрядческом мире. Этим келейниц можно называть столпами раскола, ревностными и энергичными пропагандистами его, как и упорными хранителями всех старообрядческих традиций... При следствиях у них находилось значительное собрание икон и книг, церковно-богослужбных и учительных, старопечатных, рукописных» (155).

Сведения о старообрядческих монастырях Ветки представлены в таблице 8.

Итак, на территории Ветки мы находим в указанный период 8 мужских старообрядческих монастырей ветковского толка и одну женскую «раскольничью колонию», по-видимому, старообрядческий женский монастырь. Эти монастыри не были владельцами значительного количества земель как старообрядческие монастыри Стародубья (Покровский Климовский мужской монастырь), но располагали значительными церковными зданиями, утварью, редкими памятниками рукописной и старопечатной книги, иконописи. Монастыри были как общероссийским духовными центрами (Лаврентьев), так и местными (Пахомьев, Никольский). В иноки постригались выходцы из купцов, мещан, местных крестьян. Положение монастырей не было столь открытым и легальным, как на территории Стародубья, но они располагались вблизи и на территории старообрядческих слобод и посадов, на помещичьей земле. Насельники монастырей получали средства к существованию от местных обывателей и собирали пожертвования в разных губерниях России. Монастыри не были общежительными. Здесь преобладали мужские монастыри.

Иноки монастырей сыграли большую роль в восстановлении трёхчинной иерархии старо-

Таблица 8. Старообрядческие монастыри Стародубья во второй половине XVIII–первой половине XIX вв.

название; время существования как старообрядческого	тип; местонахождение	настоятель; толк	количество земли	населенники		библиотека	скрипторий, архив	иконописные и золотошвейные мастерские
				иноки	бельцы			
Лаврентьев мужской монастырь (1735–1844)	необщежительный; на полуострове, образуемом р. Узой, среди болот и леса в Белицком уезде Могилёвской губ.	иноки Симеон, Аркадий; ветковский	на землях графов Румянцевых	всех: 45 чел. (?), свыше 100 чел. (?)		обширная библиотека	скрипторий	иконописная мастерская
Макарьев мужской монастырь (1750–1844)	необщежительный; в 32 верстах от Лаврентьева монастыря в Белицком уезде	нет сведений; ветковский	нет данных	всех: 43 чел. (?) свыше 100 чел. (?)		нет данных	нет сведений	нет сведений
Пахомьев мужской монастырь (ок. 1740–1849)	необщежительный(?); в имении князя Варшавского графа Паскевича в Белицком уезде Могилёвской губ.	инок Акинф; ветковский	собственной земли, кроме огорода, не имел	15	13	обширная библиотека, в её составе 45 книг кириллической печати (Москва, XVII в.)	в скриптории работали Ксенос, Павел Белокрицкий	богатая ризница, иконы греческого письма; возможно наличие иконописной мастерской
Никольский мужской монастырь (ок. 1740–1849)	необщежительный; в имении княгини Любомирской в Белицком уезде Могилёвской губ.	нет сведений; ветковский	собственной земли не имел	12	4	обширная библиотека, в её составе 50 книг кириллической печати (Москва, XVII в.)	в скриптории работал Ксенос	богатая ризница, иконостас греческой живописи, обширное собрание икон (возможно наличие иконописной мастерской)
Старообрядческая женская «колония» в м. Ветка (?–до1851)	на территории местечка Ветка	нет сведений; ветковский	собственной земли не имела	всех: 11 чел. (?) свыше 50 чел. (?)		нет сведений	нет сведений	нет сведений
Иосафовский монастырь	в 20 верстах от Гомеля	нет сведений	на землях графов Румянцевых	всех более 100 чел.		нет сведений	нет сведений	нет сведений
Пыханский монастырь	в 35 верстах от Гомеля	нет сведений	– / –	всех 20 чел.		нет сведений	нет сведений	нет сведений
Тырловский монастырь	в 7 верстах от Гомеля	нет сведений	– / –	всех 40 чел.		нет сведений	нет сведений	нет сведений
Ветковский монастырь	м. Ветка	нет сведений	– / –	всех 100 чел.		нет сведений	нет сведений	нет сведений

Таблица 9. Старообрядческие скиты Стародубья (середина XIX в.) в посадах Воронок, Елионка, Лужки, Митьковка

№ п/п	название	название	толк/тип	имущество	количество насельников
1	Воронокские скиты (два) Скит Скит	на землях воронокского общежительства	ветковский толк	46 изб 13 изб	80 человек из воронокских мещан мужского и женского пола 21 человек из воронок. мещан мужского и женского пола
2	Елионские старообрядческие избы	на землях Елионского общежительства	нет сведений	19 изб	36 человек из елионских мещан мужского и женского пола
3	Лужковский скит	при Лужковской старообрядческой церкви	ветковский толк	170 изб	325 человек из лужковских мещан, мещанок, вдов
4	Митьковский женский скит	возле посада Митьковка	нет данных	9 изб	18–20 старообрядок из государственных крестьянок и мещанок Митьковки

обрядческой церкви, в их среде были выдающиеся представители старообрядчества. Кроме того, если на территории Стародубья были старообрядческие монастыри ветковского, епифаньевского, дяконовского толков, то на территории Ветки только ветковского толка, однако это не умаляло значение духовных центров для старообрядцев, почитавших свои святыни за сохранение исконных традиций и обрядов древлеправославной церкви.

В тесной духовной связи с монастырями находились старообрядческие скиты и пустыни, поэтому рассмотрим другую форму монастырского поселения, характерную для старообрядцев Стародубья и Ветки, – скит.

По нашему мнению, скиты в Стародубье играли значительную роль в духовной жизни и были довольно распространены. Скит мог быть небольшим поселением возле монастыря, духовно подчинённым ему. В скиту допускалось совместное проживание лиц обоего пола (156). Так, возле посада Митьковка находился старообрядческий женский скит, в котором проживало от 18 до 20 старообрядок. Возраст колебался от 30 до 70 лет. Они происходили из государственных крестьянок и мещанок посада Митьковки (157). Дореволюционные исследователи отмечали, что в Стародубье в каждой слободе были свои чернецы и черницы, живущие «в особых кельях, как например в Елионке, Зыбкой и др.», а также «отдельных пустынях и скитах, стоявших где-нибудь в глуши и окружённых всегда непременно лесом. Наружный вид этих скитов: 5–10 келий, высматривающих из-за высокого бревенчатого забора, часовня с восьмиконечным крестом, кладбище с деревянными голубцами и каменными плитами,

колодезь посреди двора с навесом, чугунная балка, привешенная к столбу для созыва скитской братии» (158). Анализ архивных источников подтверждает, что во второй половине XVIII–середине XIX вв. на территории старообрядческих посадов и вблизи них находились старообрядческие скиты, в которых проживали жители самих посадов. В скитах проживали престарелые, вдовы, семьи, близкие родственники (как, например, в Елионских «раскольничьих избах», в Лужковском скиту). В посаде Воронок находились 2 скита, в посаде Елионка – «раскольничьи избы», в посаде Лужки – Лужковский скит, возле посада Митьковка – женский «раскольничий скит». Эти скиты принадлежали к разным старообрядческим согласиям, но, по-видимому, были характерны для поповцев. Положение скитов было более тайным, скрытым, чем положение старообрядческих монастырей. Так, проникнуть в Воронокский старообрядческий скит можно было с разрешения старообрядческого священника (159).

В скитах, как и в монастырях, могли скрываться беглые солдаты. Но в большинстве случаев здесь находились люди, «стремившиеся благочестиво пожить в удалении от мира» (160). В середине XIX в. на территории Стародубья находились скиты, принадлежавшие разным старообрядческим согласиям (см. таблицу 9) (161).

В Ветке, по данным официальной церкви, было 2 скита: близ слободы Огородня и Чистые лужи. Оба находились на территории владений графов Румянцевых (162). Следовательно, наряду с монастырями, скиты были широко распространены и являлись типом монастырских поселений в Стародубье и Ветке.

Кроме скитов, здесь существовал и дру-

Таблица 10. Обители поповцев Стародубья в середине XIX в.

№ п/п	название	местонахождение	настоятель	имущество	количество поселенцев
1	Успенская девичья	на территории посада Клинцы возле храма Вознесения	Ольга Семёнова Васильева	21 изба	29 человек из клинцовских мещанок
2	Тиссейная девичья	на территории посада Клинцы, духовно подчинена Успенской девичьей обители	инокиня Измарагда, в миру Ирина Антоновна Абросимова	9 изб	26 человек из клинцовских мещанок
3	Дубачинская девичья	на территории посада Клинцы, духовно подчинена Успенской девичьей обители	инокиня Поллигария, в миру Пелагея Родионова дочь Родионова	1 изба	5 человек из клинцовских мещанок
4	Девичья обитель Княжных	на территории посада Клинцы, духовно подчинена Успенской девичьей обители	инокиня Серафима, в миру Софья Семёнова Ушакова	двухэтажный дом	из клинцовских мещан и вологодских купеческих дочерей

гой тип монастырского поселения — пустынь. Зачастую она была основой для образования скита. Кроме того, после упразднения монастырей старообрядческие иноки удалялись в пустыни.

По данным Министерства внутренних дел, на территории Стародубья в середине XIX в. находилось 500 пустыней (163). Так, возле посада Митьковка находилась Рождественская женская пустынь, где в 14 домах проживало 30 старообрядок. Дома принадлежали митьковским мещанам и купцам (купцы 3-й гильдии Пётр Петров сын Попов, Корней Волков, Корней Голиков, Пётр Дашенков), государственными крестьянам и мещанам Тверской губернии. Среди жительствовавших инокинь не было (164). Миронова пустынь также находилась на территории посада Митьковка, где в 11 домах проживало 16 старообрядок, по своему происхождению выходцев из митьковских мещанок и государственных крестьянок этого посада. Возраст насельниц колебался от 30 до 69 лет. Среди них были иночествующие (165).

По мнению Н.Н. Покровского, «традиции иноческого пустынножительства среди старообрядцев держались очень долго. Претерпевая страшные гонения от властей, в труднейших природных условиях старообрядческие пустытники совершали истинный духовный подвиг, уходя от антихристового мира» в глубь лесов, унося с собой не оскорблённую общением с миром «старообрядческую культуру, духовность, традиции» (166).

Среди старообрядцев Стародубья были отшельники. Отшельнические подвиги обыкновенно являлись подготовлением к монастырской жизни, к монастырскому служению. Бывшие отшельники становились наставниками ос-

нованных ими монастырей и проявляли высшие примеры любви к ближнему. Козьма Трофимович Дураков, донской казак Есауловской станции (1797—1884), выйдя в отставку после военной службы, принял иночество (инок Конан), поселился отшельником в землянке неподалёку от посада Лужки Черниговской губернии, где прожил таким образом 5 лет. Подвижническая жизнь, большая начитанность и кротость характера вызывали уважение у местных жителей-старообрядцев. Позже он стал епископом Новозыбковским (Черниговским) Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) (167).

Ещё одним типом монастырского старообрядческого поселения были обители. Обители находились на территории старообрядческого посада Клинцы. Они были женскими (девичьими): Дубачинская, Княжных, Тиссейная. Обители представляли собой несколько домов, стоящих под одной крышей (в одной связи) возле посадного храма Вознесения или в окружении домов обывателей (168). Земля под ними была куплена самими насельницами или принадлежала обществу посада Клинцы. Среди насельниц были клинцовские мещанки, вологодские купеческие дочери. При покупке земли, зданий поручителями выступали зажиточные купцы посада. Здания обителей передавались по завещанию инокиням-насельницам. Так, инокиня Минодора, в миру Мария Авраамовна Лаптева — настоятельница обители Княжных, завещала свои «кельи» евангельским сестрам и дочерям. Впрочем, среди них была её родная сестра, инокиня Анастасия, и её племянницы — инокини Серафима и Олимпиада (169). С таким типом монастырского поселения у поповцев мы

Таблица 11. Старообрядческие беспоповские скиты и обители Стародубья во второй половине XVIII–первой половине XIX вв.

Каменский Успенский женский скит (1780-е(?)-1920-е)	в 18 в. от г. Ново-зыбкова, в 1 в. от посада Злынка	обители разных согласий (ветковская, дьяконовская, беспоповская); тип – нет сведений; настоятельница м. Манефа		129 монахинь и послушниц	
Покровские Тульегорские мужская и женская обители (ранее 1798–1852)	на землях посада Злынка, в 8 верстах от него	федосеевский толк; тип – общежительный; настоятель 2 общин Иван Григорьев Логинов	102 дес. 580 кв. саж.	муж.: 4 жен.: 17	25 87

встречаемся только на территории посада Клинцы. Причём обители Дубачинская, Княжных, Тиссейная заключались каждая в одном только доме. По заключению чиновников Министерства внутренних дел, они подчинялись Успенской девичьей обители (170). Мелхиседек Якубовский назвал её монастырём (см. таблицу 10) (171).

Выше мы отмечали, что разные старообрядческие течения предполагали разные формы организации церковной жизни. По мнению Л.А. Куандыкова, «для беспоповцев, пытающихся организовать самоуправление в соответствии с основными догмами согласия, монашеское общежитие есть лучшая, если не единственная форма организации больших общин» (172). Для беспоповцев антихрист воплощался во всех институтах власти. Спасением являлось либо самосожжение, либо бегство «в дикие места, где им самим, чтобы выжить, требуется достаточно жёсткая организация. Так, с одной стороны, потребность в жизнеспособных формах управления и борьба за чистое, воздержанное житие, с другой, естественно приводят к организации монашеского общежития, отдельного для мужчин и женщин, но под единым руководством» (173).

Подобно Выгорецкой обители на севере страны, в районе Ветки и Стародубья имелись 2 беспоповские Покровские Тульегорские (мужская и женская) общины, объединённые общим руководством (174). Они были основаны выходцами из беспоповского федосеевского монастыря в Гудишках. В 1755 г. этот монастырь был разгромлен русскими солдатами под командованием Захария Чернышова, направлявшимися к русской границе. В 1756 г. под руководством Федула Дмитриевича они основали Покровско-Норский монастырь близ посада Злынка. Название «обитель» («богоспасаемая обитель») было дано ранее Евстратием Федосеевым, сыном Феодосия Васильева, монастырю в Гудишках. Монастырь в Гудишках, как позже Норские обители в Стародубье, был основан на пра-

вилах «польского устава». Каждый насельник обители должен был иметь духовного отца, постоянно ему исповедоваться. В противном случае наказанием было отлучение от старообрядчества, положение 300, 500, 1000 поклонов в храме. Семейным возбранялось иметь детей. Если в семье рождался один ребёнок, она изгонялась из общины на полгода, второй – родители изгонялись из общины на год, третий ребёнок – на 2 года (175). Поэтому Покровские Норские обители предполагали раздельное существование мужчин и женщин. Обители располагались в 5 верстах от посада Злынки. 12 марта 1846 г. В. Алябьев доносил министру внутренних дел Л. Перовскому: «В двух беспоповских обителях, отстающих от посада Злынка в 5 верстах, в мужской Покровской и Тульегорской женской, я нашёл более порядка и чинности, хотя в женской обители есть настоятельница под названием хозяйки, но эта обитель состоит ещё под заведованием хозяина, мещанина, живущего в мужской обители. По словам новозыбковского земского исправника, эти обители недурной нравственности, принадлежат к согласию московских беспоповцев – живущие в них обитатели занимаются сельским хозяйством и хлебопашеством» (176). Как видно из приведённого выше высказывания, Покровская мужская и женская (они же Норские) обители располагались на землях злынковского посада, выделённых им по указу Черниговской казённой палаты 18 декабря 1798 г. (177), настоятелем двух обителей был злынковский мещанин Иван Григорьевич Логинов, государственный крестьянин хутора Карны Новозыбковского уезда (178).

Беспоповские старообрядческие федосеевские общины, расположенные близ посада Злынка, по своему устройству, способу получения средств к существованию значительно отличались от монастырей, скитов, пустыней и обителей, принадлежавших попovem. Насельники общин обеспечивали сами себя всем необходимым, вели уединённый образ жизни, отстаивая свои духовные принципы и взгляды. Эти

общины были основаны ранее ветковских старообрядческих духовных центров.

Ещё одним своеобразным типом монашеского общежития был Каменский Успенский женский скит. Как отмечал В. Алябьев, «скит, находившийся на расстоянии одной версты от Злынки, представлял скорее выселок из одного посада» (179). К 1840-м годам в ските проживало 42 инокини, 80 мещанок и 8 мещан, настоятельницей скита была Мария Петрова Ульянова, мещанка Каменной слободы г. Москвы, в иночестве Манефа (180). Ею был куплен на аукционе в 1839 г. дом, находившийся в этом ските и построенный злынковской купчихой Ефросиньей Шишкиной. Он состоял из 6 комнат с сенями, в одной из которых была устроена молельная. По словам Манефы, молельная называлась «образной», где она молилась вместе с другими старообрядцами, «душ до сорока» (181). В праздничные дни в доме настоятельницы Манефы собирались на моление не все живущие в скиту. Это подтверждает высказывание иконописца Василия Родинцева, что здесь находились обители разных старообрядческих толков и согласий (182). В скиту имелось обширное собрание икон и библиотека книг кириллической печати и рукописей. Таким образом, здесь мы встречаемся с примером не только своеобразного устройства, но и совместного проживания представителей как старообрядческих поповских, так и беспоповских религиозных общин. Сведения о беспоповских скитах и обителях Стародубья даны в таблице 11.

Таким образом, во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. на территории Стародубья существовали различные типы монастырских поселений (многочисленные скиты, монастыри, обители, пустыни). На территории Ветки монастырские поселения были более однотипными – монастыри, скиты. Среди них монастыри – общероссийские духовные центры: стародубские Покровский Климовский мужской, Казанский Климовский девичий, ветковский Лаврентьев. Если монастыри официальной церкви прекратили здесь своё существование ещё во второй половине XVIII в., то старообрядческие сохранились до середины XIX в., а некоторые и до 1930-х годов. Кроме них на территории Стародубья находились скиты, пустыни и обители. Они основывались великороссийскими, ветковскими, польскими переселенцами и находились на землях посадов либо в непосредственной близости от них. Эти духовные центры принадлежали к различным старообрядческим толкам и согласиям (ветковский, епифаньевский, дяконовский, федосеевский) на территории Стародубья, на территории Ветки – только ветковскому. Формы организации монашеского общежития были аналогичны фор-

мам организации их единомышленников в разных районах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барсегян Т.В. Типология монастырских поселений России // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997. С.11.
2. Водарский Я.Е. Землевладение русской православной церкви и её хозяйственно-экономическая деятельность // Русское православие: веки истории. М., 1989. С.501–561.
3. Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 1998.
4. Радченко О.И. Монастырь как центр духовной жизни русской провинции на примере жизнедеятельности монастырей Самарской губернии сер. XIX–XX вв. // Монастыри в жизни России. С.86.
5. Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994; Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. М., 1994; Ряжев А.С. Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII–первой половине XIX в.: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1995.
6. Ершова О.П. Организация церковной жизни старообрядчества в XIX в. // Монастыри в жизни России. С.87.
7. Керов В.В. К вопросу об эсхатологических факторах старообрядческого предпринимательства // Феномены истории. М., 1996. С.191–192.
8. См.: Зверинский В.В. Монастыри в Российской империи. СПб., 1867; Картины из жизни Черниговской епархии из XI-вековой ее истории. Киев, 1911. Вторая половина XVIII в. характеризуется усилением абсолютизма. Правительством проводятся мероприятия, закрепляющие за дворянством монополию на владение землёй и крепостными крестьянами. 26 февраля 1764 г. был издан «Манифест о секуляризации церковных имений», по которому церковные и монастырские земли были переданы государству, крестьяне – Коллегии экономии. Монастыри были разделены на 3 класса с годовым содержанием: I класс – 2017 руб., II класс – 1311 руб., III класс – 806 руб.
9. Тальберг И. История русской церкви. М., 1992. С.622–623. Репринт.
10. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.155–155об.
11. Там же. Л.153об.
12. Там же. Л.216–216об.
13. Там же. Д.99. Л.1–11.
14. Старообрядческие женские обители Княжных, Дубачинская, Тиссейная в 1846 г. находились на территории самого посада Клиницы.

15. Якубовский М. Краткая записка о раскольничьих монастырях, вновь возникших сектах и прочих тому подобных // Душеполезное чтение. 1911. Ч. II. №7/8. С.265–268.
16. Там же. С.267.
17. Там же. С.268.
18. Там же. С.267.
19. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.8.
20. Там же. Л.153об.
21. Там же. Л.8.
22. Там же.
23. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С.261.
24. Горючко П. Раскольнические обители // Могилёвская старина. 1903. Вып.2. С.31–32.
25. История и обычаи Ветковской Церкви // Старообрядческий церковный календарь. 1994. С.66.
26. Там же. С.74.
27. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и по Афону. Н. Новгород, 1907. С.742.
28. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.201–214.
29. Там же. Л.201.
30. Там же. Л.207об.
31. Там же. Л.211–212об.
32. Там же. Л.213–214об.
33. Там же. Л.213.
34. Там же.
35. Горбачкий А.А. Старообрядчество в Беларуси. Брест, 1999. С.40.
36. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.201, 204–205об.
37. Сборник документов, рапортов, копий указов, принадлежащих священнику Климовской Успенской единоверческой церкви Артемию Сорокину. Рукопись. (1818–1842). КKM OCH – 1284. Л.233–233об.
38. Там же. Л.235–235об.
39. Крашенинников В.В. Из истории монастырей юго-западных уездов Центральной России в XVIII–первой половине XIX в. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3. Ч.3: Культура. Искусство. Персоналии. Киров, 1997. С.35–36.
40. Доброгаев М. Посад Митьковка. Чернигов, 1909. С.8.
41. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.199–200.
42. Верховский Т.А. Стародубье. Записки. Ч. II. Казань, 1874. С.48–49.
43. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154.
44. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Кн.8: История распоряжений по расколу. СПб., 1863. С.389.
45. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154.
46. Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1996. С.154.
47. История и обычаи Ветковской церкви. С.86.
48. Кратчайшее изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов и обычаев древне-православно-католическая Ветковская церковь // Старообрядческий церковный календарь. 1994. С.75.
49. Там же. С.98.
50. Варадинов Н. Указ. соч. С.389.
51. Кратчайшее изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов и обычаев древне-православно-католическая Ветковская церковь. С.86.
52. Там же. С.90.
53. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.91.
54. Кочергина М.В. Старообрядчество юго-запада России (1760–1860 гг.): хозяйство, расселение, культура: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Брянск, 2003.
55. У старообрядцев женские монастыри назывались девичьими, имея в виду один из иноческих обетов – обет девства. См.: Верховский Н. Согласные и несогласные в Черниговских посадах в конце XVIII столетия. Б.м., б.г. С.1.
56. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.171.
57. Там же.
58. Там же. Д.99. Л.10.
59. Иоаннов (Журавлёв) А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцев. СПб., 1855. Ч. III. С.83–84.
60. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.99. Л.10–10об.
61. Там же. Д.104. Л.171–198.
62. Там же. Л.171.
63. Там же.
64. Там же. Д.99. Л.10.
65. Там же. Д.104. Л.198.
66. Там же. Д.99. Л.9.
67. Там же. Д.104. Л.172–198.
68. Иоаннов (Журавлёв) А. Указ. соч. С.83–84.
69. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.99. Л.9.
70. Иоаннов (Журавлёв) А. Указ. соч. С.83.
71. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.184.
72. Там же. Л.154.
73. Там же.
74. Там же. Л.221–221об.
75. Там же.
76. Там же. Л.222–222об.
77. Там же. Л.222–223об.
78. Там же. Л.223–224об.
79. Кублицкий А. Иконописец Семён Харчевников // Над Карной. Новозыбков, 1997. Вып. III. С.24.
80. Сборник документов, рапортов, копий указов, принадлежащих священнику Климов-

ской Успенской единоверческой церкви Артемию Сорокину. Л.74–74об.

81. Там же.

82. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.198.

83. Иоаннов (Журавлёв) А. Указ. соч. С.85–86.

84. Сборник документов, рапортов, копий указов, принадлежащих священнику Климовской Успенской единоверческой церкви Артемию Сорокину. Л.80об.

85. Там же.

86. Там же. Л.328.

87. Там же. Л.80об.

88. Там же. Л.334.

89. Варадинов Н. Указ. соч. С.565.

90. Данные экспедиции БОХМ 1998–1999 гг.; Кублицкий А. Указ. соч. С.24.

91. Цит. по: Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Общий обзор, 1861. С.127.

92. Епископ Сильвестр Балтский. Краткий очерк или некоторые следы, известные из жизни покойного Иллариона Георгиевича, родившегося 1819 года в октябре месяце, а скончавшегося 1882 года в октябре месяце в четвертый день // Братское слово. 1892. Т.1. С.79.

93. Верховский Т.А. Стародубье. Записки. Ч.1. Казань, 1874. С.129.

94. Там же.

95. Перекрёстов Р. Красноборский Иоанно-Предтечий что в «Полосе» монастырь // Труд. 1995. №33.

96. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.282–282об.

97. Там же. Л.283–283об.

98. Там же.

99. Кочергина М.В. Указ. соч.

100. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154.

101. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.143.

102. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.549. Оп.2. Д.1. Л.116–117об.

103. Там же.

104. Там же. Л.368об.

105. Там же. Д.3. Л.116–117об.

106. Там же.

107. Кизимова С.П., Зубова А.М. По местам святых обителей. Брянск, 1999. С.345; Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.143.

108. Верховский Т.А. Стародубье. Записки. Ч.1. С.129.

109. Кабанов (Ксенос) И.Г. История и обычаи Ветковской церкви. Н. Новгород, 1906. С.26. После переселения ветковских монахов в Стародубье многие жители слобод и посадов стали приверженцами епифаньевского толка (особенно в Клинцах), имеющего общие черты с ветковским.

110. Он же. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895. С.358.

111. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.278.

112. Верховский Т.А. Стародубье. Записки. Ч.1. С.148.

113. Там же.

114. ГАБО. Ф.2071. Оп.1. Д.40. Л.1.

115. Кочергина М.В. Указ. соч.

116. Макаров В.Е. История Рогожского кладбища. М., 1995. С.29.

117. Там же.

118. Там же. С.22–23.

119. Епископ Сильвестр Балтский. Указ. соч. С.69.

120. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев, 1895. С.367–370.

121. Кабанов (Ксенос) И.Г. История и обычаи Ветковской церкви. С.22.

122. Епископ Сильвестр Балтский. Указ. соч. С.69.

123. Варадинов Н. Указ. соч. С.388–389.

124. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.35–36.

125. Там же. С.34–35.

126. Там же. С.208–209.

127. Иерей Леонтий Пименов. Основание Белокриницкой иерархии // Старообрядческий вестник. 1995. №217.

128. Там же.

129. Радченко О.И. Указ. соч. С.86.

130. Варадинов Н. Указ. соч. С.389.

131. Кузьмич А.В. Из истории Лаврентьева монастыря // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции. Гомель, 2003. С.140.

132. Там же.

133. Лилеев М.И. Указ. соч. С.369.

134. РГИА. Ф.1284. Оп.201. Д.97. Л.3.

135. Там же. Л.3–3об.

136. Там же. Л.81–83об.

137. Там же. Л.3.

138. Там же. Л.3об.

139. Горбацкий А. Указ. соч. С.105.

140. РГИА. Ф.1284. Оп.201. Д.97.

141. Там же. Л.6–7об.

142. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.75.

143. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.55. Л.1–17об.

144. Варадинов Н. Указ. соч. С.389.

145. Там же.

146. Лилеев М.И. Указ. соч. С.271.

147. РГИА. Ф.1284. Оп. 201. Д.97. Л.3.

148. Там же.

149. Там же. Л.4об.

150. Там же. Л.83об.

151. Там же. Л.8–9.

152. Там же. Оп.206. Д.24. Л.14–24об.

153. Там же. Л.24.

154. Лилеев М.И. Указ. соч. С.388.

155. Там же.
 156. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.260–261.
 157. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.255–226.
 158. Раскол в Северной Малороссии в XVII–XVIII вв. // Прибавление к Черниговским епархиальным известиям. Часть неофициальная. 1898. №1–24. С.230.
 159. Родионцев В. Обращение из раскола на путь истины // Братское слово. 1895. №4. С.281–282.
 160. Раскол в Северной Малороссии в XVII–XVIII вв. С.232.
 161. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л. 225–225об., 256–277.
 162. Горючко П. Указ. соч. С.31.
 163. Варадинов Н. Указ. соч. С.564.
 164. РГИА Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.226об.–228.
 165. Там же Л.226–226об.
 166. Покровский Н.Н. Сибирские пустыньники // Старообрядец. 1997. №5. С.10.
167. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.148.
 168. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154.
 169. Там же. Оп.201. Д.97. Л.293–296.
 170. Там же. Оп.200. Д.104. Л.154.
 171. Там же. Л.288–289об.
 172. Куандыков Л.А. Развитие общежительного устава в Выговской старообрядческой общине в первой трети XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. М., 1984. С.54.
 173. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154об.
 174. Там же; Горбацкий А.А. Указ. соч. С.75.
 175. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.226–227.
 176. РГИА. Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.154об.
 177. Там же.
 178. Там же. Л.241.
 179. Там же. Л.154.
 180. Там же. Л.229.
 181. Там же. Д.105. Л.1–2об.
 182. Там же.

Марина Викторовна Кочергина родилась 27 августа 1958 г. в г. Брянске. В 1982 г. окончила Брянский государственный педагогический институт, затем работала в системе образования и в Брянском областном художественном музее; с 2000 г. преподаёт в Брянском государственном университете. В 2003 г. защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Старообрядчество юго-запада России (1760–1860): хозяйство, расселение, культура». Её научные интересы в области старообрядчества: демография, предпринимательство, монастырская культура, книжность, иконопись. Основные работы по старообрядческой тематике:

1. Иконописец-старообрядец из Стародубья Василий Родионцев // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 1998. С.246–249.
2. Воскресшие образа: Старообрядческие иконы в коллекции Брянского областного художественного музея // Мир и музей. Вып.4. Осень 1999.
3. Библиотеки старообрядческих монастырей и скитов Брянщины // История библиотек и библиофильства в Брянской области. Брянск, 1999.

4. Кочергина М.В., Дубровский А.М. Хозяйственная деятельность старообрядческих общин Ветки – Стародубья в конце XVIII–первой половине XIX вв. // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003.

М.В. Кочергина участвовала в работе конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» в 1997 г. (выступление «Проблемы сохранения памятников старообрядческой культуры на Брянщине»), в 1998 г. и 2005 г. (текст выступления публикуется в настоящем сборнике).